

100

ВЕЛИКИХ УЗНИКОВ

100 великих (Вече)

Надежда Ионина
100 великих узников

«ВЕЧЕ»

2009

Ионина Н. А.

100 великих узников / Н. А. Ионина — «ВЕЧЕ», 2009 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-9533-3667-3

Узниками тюрем становились многие выдающиеся люди. Одни – за вольнодумство или посягательство на общественные устои, другие – по случайному стечению обстоятельств, третьи – по подозрению или навету... Как Оскар Уайльд, «король жизни», оказался в неволе? А блистательный Казанова? Кто помог Мигелю Сервантесу освободиться из алжирского плена? Почему «славный вор» Ванька-Каин решил стать доносчиком? Каждая эпоха выносит героям свой суд – конечно же, не окончательный. В нашей книге рассказывается об известных исторических фигурах, читатель также узнает о страдальцах, судьбы которых поражали современников.

ISBN 978-5-9533-3667-3

© Ионина Н. А., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Вступление	5
Великий Фидий	7
Чаша с цикутой	10
Изгнанные из отечества	14
«Последний римлянин» Боэций	17
Апостольское служение солунских братьев	20
В клетке без прутьев	23
«Князь ученых» ибн Сина	27
Мануха – царь монов	30
Удивления достойный	32
Великий Тимур и его великий пленник	36
Ян Гус	39
Бальтасар Косса – пират, студент, римский папа	43
Валахский господарь Влад III Цепеш	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Надежда Алексеевна Ионина

100 великих узников

Вступление

Вертится колесо времени, раскручивается клубок событий, тысячелетия человеческой истории полны грандиозными деяниями, могучими движениями армий и народов. Возникали и исчезали государства, расцветали и превращались в руины города и целые цивилизации; в истории отдельных стран и народов случались периоды расцвета и упадка, но великие люди, которые двигают историю вперед, были всегда. Каждая эпоха выносит им свое суждение, но как бы верно ни понимали их современники, всегда остается возможность сказать о них следующим поколениям что-то новое.

Беспокойных людей, которые решались поднять свой голос против произвола и тирании, осмеливались выступать за свободу и права человека, чаще всего запирали в каменные мешки, тесные казематы, душные темницы или ссылали на долгие годы в далекие и глухие края. Многие из них, находясь в заточении, теряли счет времени, а вместе с ним и счет собственных лет, проведенных во мраке крепостных тюрем.

Одни боролись за свободу, другие – за возможность познания опытным путем окружающего мира. Путь и тех, и других был долгим и трудным, пролегал через победы и поражения, радости и страдания, и много преград стояло на этом пути. Десятилетия, проведенные в тюремных казематах, жестокие истязания и пытки, смерть на костре или на плахе – таким был удел многих вольнодумцев.

Узниками становились безвестные колодники и родовитые дворяне, ниспровергатели существующего строя и их гонители... В темницах томились знатные вельможи, когда-то всемогущие временщики, ближайшие родственники коронованных особ, люди с громкими именами. Были и такие, кто переступал порог камеры никому не известным, а потом, приняв мученичество, входил в историю.

Были среди узников и личности сомнительные, задержанные по случайному подозрению, пойманные с поличным карманники или контрабандисты, с которыми правительства всех стран вели тщетную борьбу. Содержались в мрачных казематах наемные убийцы, ожидавшие, что их вырчат влиятельные клиенты; были узники, неведомо как даже для самих себя запутавшиеся в сетях высокой политики. Одни появлялись в тюрьмах на короткое время, другие проводили в темницах месяцы, годы, десятилетия...

С тех пор как существуют тюрьмы и решетки на окнах, запоры, засовы и замки; с тех пор как существуют тюремщики, стражники, надзиратели, доносчики и наушники – мысль узников постоянно билась над тем, как, обманув бдительную стражу или заручившись ее содействием, сквозь стены и все препятствия передавать друг другу вести, а если повезет, то и вырваться на свободу. История многих тюремных изобретений начиналась во времена древние, но с тех пор она не прерывалась никогда: комок глины, оброненный в условном месте, мог прятать внутри лоскут с долгожданным для узника известием. Сломанная определенным образом ветка или замысловато ошипанное птичье перо, прицепленная к дереву нитка, пропетая у окна песня, слова которой были понятны только посвященным, – все приносило долгожданную весть томившимся в неволе узникам.

В каждой стране есть своя Бастилия, где заключенные порой целые десятилетия томились без всякой надежды на освобождение и проводили день за днем, ожидая смерти как величайшего избавления. Только она могла освободить их от ужаса пожизненного заключения, от соседства с душевнобольными товарищами и духовно умершими тюремщиками. Цинга и

чахотка, беспросветная тоска, болезни физические и нравственные – вот в коротких словах описание внутренней жизни всех казематов, какое бы название они ни носили.

Многие безвестно погибли в каменных мешках монастырских и государственных тюрем, о многих арестантах мы ничего не знаем, но они жили и мыслили, о чем говорят архивные сведения и тюремные документы. Испытав множество страданий, некоторые впоследствии сами поведали о своей тяжелой неволе всему миру. В нашей книге читатель встретит имена, уже известные ему, прочитает и о тех несчастных страдальцах, о которых он, может быть, еще не слышал.

Великий Фидий

Ни одна из подлинно достоверных работ Фидия до нас не дошла, и мы судим о них лишь по фрагментам и копиям более поздней эпохи да по изображениям на монетах и рисункам на вазах. Но когда кто-нибудь из поэтов или писателей хотел привести пример художника, которого все и во все времена признавали великим, чаще всего называлось имя именно этого древнегреческого скульптора. Никто из художников Древней Эллады не вызывал своим творчеством таких восторженных отзывов потомков, как Фидий, на долгие годы ставший мерилом творческих дерзаний и побед. Например, римский писатель и ученый Плиний писал: «Никто не сомневается, что Фидий наиболее знаменитый художник у всех народов».

Амазонка. Римская копия статуи Фидия. V в. до н. э.

Фидий начал свою творческую деятельность в знаменитый период истории Древней Греции. Еще шла греко-персидская война, потребовавшая величайшего напряжения сил всего народа, и главную роль в этой борьбе за независимость играли Афины – родина Фидия. После персидских войн Эллада переживала блестящее время, и весь уклад жизни тогдашней Греции благоприятствовал зарождению искусства высокого, преследующего идеальные цели. Надо было восстановить разрушенное персами, возвести новые храмы, которые служили бы памятниками недавно одержанной победы. Олимпийские боги представлялись теперь грекам как-то особенно мощными и милостивыми – во всем блеске своей возвышенной красоты и неотрази-

мой силы. Все свои победы греки, естественно, связывали с покровительством и заступничеством владычицы их города – богини Афины.

После победы над персами большие строительные работы развернулись на Акрополе, и вскоре здесь была установлена статуя Афины Промакос (Воительницы), созданная Фидием. Она была отлита из трофейного персидского оружия, захваченного греками в битве при Маратоне. Пьедестал был высоким, и позолоченный наконечник копья богини, сверкавший на солнце и видимый далеко с моря, служил для мореплавателей своеобразным маяком.

Афина была представлена Фидием спокойно стоящей в длинных одеждах, ниспадающих прямыми складками, с круглым щитом на левой руке и копьем – в правой. Увенчанная высоким шлемом голова ее была повернута вправо, словно богиня смотрела на город, широко раскинувшийся у подножия Акрополя. Античные авторы, восторгавшиеся этим шедевром Фидия, подчеркивали воинственный характер богини. Например, Зосима, историк V века, рассказывая о нашествии на Грецию готов, говорил, что статуя Афины Промакос, возвышавшаяся в полном вооружении на Акрополе, встретила врагов, как бы готовая отбить их нападение.

Бронзовая статуя высотой 10 метров была поставлена не в храме, а на открытом воздухе и возвышалась среди руин и пустырей, оставшихся после персидских набегов. Афина Промакос и явилась тем центром, вокруг которого впоследствии стали разворачиваться строительные работы, превратившие Акрополь в единый архитектурный ансамбль¹.

Главным сооружением Акрополя стал храм, посвященный Афине Деве, позднее названный Парфеноном. Он был сооружен в 447–438 годах до нашей эры зодчими Иктином и Калликратом, а в скульптурном оформлении Парфенона принимали участие самые известные греческие мастера, художественным вдохновителем которых был Фидий. Ему принадлежит общая композиция и разработка всего скульптурного декора, часть которого он выполнил сам. В глубине храма, окруженная с трех сторон двухъярусными колоннами, гордо возвышалась статуя богини Афины, а на восточном фронте изображено ее рождение. Павсаний в своем «Описании Эллады» сообщает, что

статуя Афины изображает ее во весь рост в хитоне, до самых ног; у нее на груди – голова Медузы из слоновой кости, в руке она держит изображение Ники приблизительно в четыре локтя, а в другой руке – копье. В ногах у нее лежит щит, а около копья – змея... Посредине ее шлема сделано изображение сфинкса... по обеим же сторонам шлема сделаны изображения грифонов. На постаменте статуи изображено рождение Пандоры – первой женщины.

Все части статуи были покрыты рельефами: на сандалиях богини показана схватка лапифов с кентаврами, на лицевой стороне щита – битва с амазонками, на внутренней – сражение олимпийских богов с титанами. Перед статуей Афины был устроен небольшой бассейн, чтобы влажные испарения воды не давали пересыхать слоновой кости.

Творение Фидия было настолько совершенным, что правители Афин и иноземные владетели не решались возводить на Акрополе другие сооружения, чтобы не нарушить общей гармонии. Но самое знаменитое произведение скульптора сыграло роковую роль в его судьбе. Гордой и всесильной богине не удалось уберечь ни свой храм, ни свой образ, ни своего создателя. Обострившаяся вокруг Перикла борьба партий сказалась и на судьбе Фидия. Перикла обвиняли в том, что он стал виновником разорительной для Греции войны между афинянами и спартанцами. Но враги не смели нападать на него самого, поэтому стали преследовать его друзей. Завистники обвинили Фидия в сокрытии драгоценных материалов, отпущенных для создания статуи Афины Девы. В этом скульптор оправдался, так как сделал по совету Перикла

¹ Статую богини Воительницы византийцы потом перевезли в Константинополь, где она в Средние века погибла. Не сохранилось и достоверных ее копий, только на афинской монете римского времени есть ее изображение, да и то весьма схематичное.

золотую одежду Афины съемной, и таким образом вес ее могли проверить: он оказался полным.

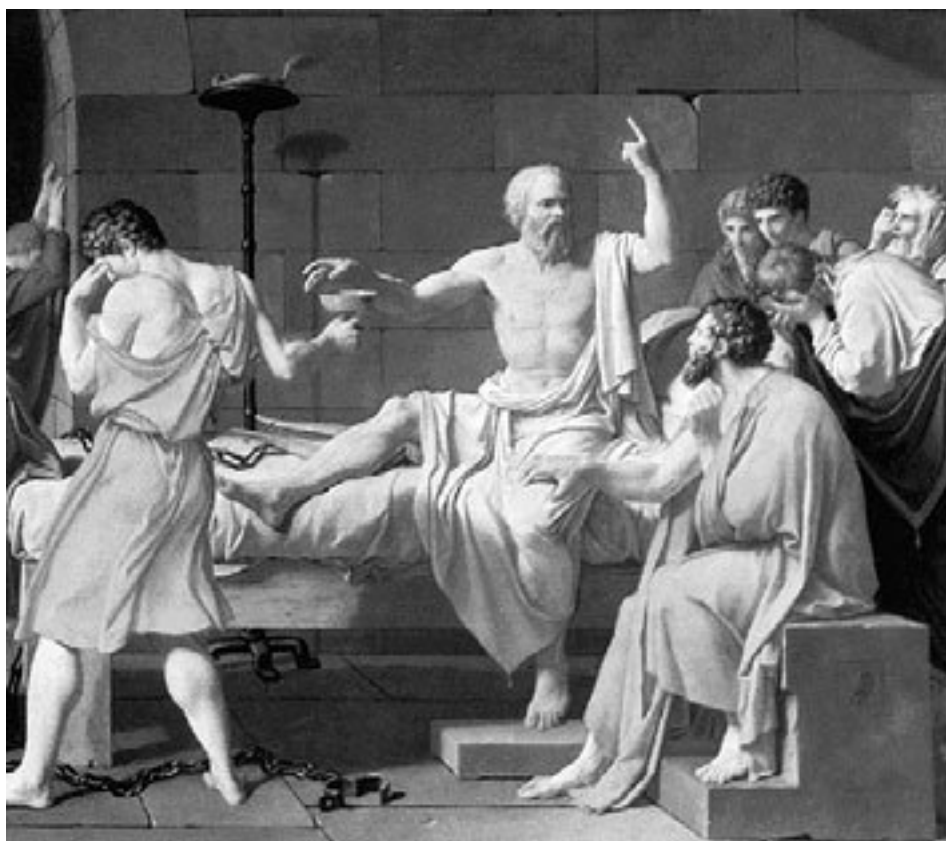
«Но сама слава творения Фидия возбуждала против него зависть», и тогда скульптора обвинили в нечестности. Два раза его привлекали к ответственности якобы за перерасход слоновой кости, и он был заключен в тюрьму. Однако скульптора ждали элейцы, чтобы заказать ему статую Зевса для Олимпии, и они выкупили его из тюрьмы. Но когда Фидий вернулся в Афины, против него начался новый процесс – по обвинению в святотатстве.

Изобразив на лицевой стороне щита битву греков с амазонками, скульптор будто бы придал одному из персонажей свои собственные черты, а рядом запечатлел Перикла в образе Тесея, сражающегося с амазонками. Плутарх в «Перикле» сообщает: «Он очень искусно расположил руку, поднимающую копье перед лицом Перикла, как будто хотел скрыть сходство, но оно все же было видно с обеих сторон». Прибавляли также, что его собственное изображение было соединено со статуей так, что если бы его снять, то разрушилась бы вся статуя. В объяснениях Фидия суд увидел только способ, которым скульптор хотел замаскировать свой проступок. Фидия, по словам Плутарха, посадили в темницу, где он якобы и умер в 431 году до нашей эры то ли от болезни, то ли от яда, так и не дождавшись оправдания. По свидетельству Филохора, скульптор был изгнан из Афин (или сам бежал из города) и работал в Элиде, где создал прославленную статую Зевса Олимпийского. По окончании работы Фидий и здесь подвергся обвинению в святотатстве, был посажен в тюрьму и там убит...

Чаша с цикутой

В 399 году до нашей эры в афинский суд поступило обвинение против философа Сократа. Его «составил и, подтвердив под присягой, подал Мелет, сын Мелета из дема Питтос... Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь».

Таким образом, непосредственным подателем жалобы явился молодой и честолюбивый, но довольно посредственный трагический поэт Мелет. Однако за его спиной стоял владелец кожевенных мастерских Анит – влиятельное лицо в демократической партии. Заклятый враг софистов, к которым он причислял и Сократа, Анит предпочитал до поры до времени оставаться в тени, хотя в деятельности философа усматривал посягательство на религию и мораль, а также угрозу идеалам государства и семейной жизни. Третьим обвинителем был оратор Ликон: все вместе они приписывали Сократу преступление против государства, так как по представлениям древних афинян почитание богов и воспитание юношества относились к делам общеполисным.

Смерть Сократа. С картины Ж.-Л. Давида. 1787 г.

О философе и его учении накопилась огромная литература, тем не менее нет фигуры более загадочной, чем Сократ. Сам он не написал в своей жизни ни строчки и потому не оставил письменного наследия². О его жизни и деятельности мы узнаем главным образом из сочинений его учеников и друзей (философа Платона, историка Ксенофонта и др.), а также из трудов более поздних авторов (в частности, Аристотеля), каждый из которых по-своему понимал Сократа.

² Кроме нескольких стихотворных переложений на темы Эзопа.

Гражданская деятельность и политика мало увлекали Сократа, как и воспринятое от отца мастерство скульптора. Его с юности тянуло к интеллектуальным занятиям и философии, и он воспользовался теми возможностями, которые были в его распоряжении. Античная традиция свидетельствует, что сначала Сократ увлекся натурфилософией, познакомившись с учением Анаксагора – последнего выдающегося представителя ионийской натурфилософии. Он хорошо изучил его сочинения, но не стал его учеником в собственном смысле этого слова. Более близок он был к Архелаю – выдающемуся ученику и последователю Анаксагора, но общее увлечение натурфилософией было у Сократа непродолжительным. Он был чрезвычайно впечатлителен и отзывался на все, что происходило в окружающем его мире. Поэтому он не мог долго оставаться в плену абстрактных размышлений о космосе, природе и сущности протекавших в ней процессов; сущим для Сократа был сам человек с его страстями и поступками...

Согласно древнему преданию, в молодости философ посетил священный город Дельфы, в котором в храме Аполлона, на большом бронзовом треножнике, восседала прорицательница-история. Древние греки воспринимали ее изречения за голос самого божества...

Сократ, подобно своим современникам, высоко чтит оракула и верил в божественные пророчества, которые изъявляют волю самого бога. На храме Аполлона была начертана надпись «Познай самого себя», которая глубоко взволновала и захватила Сократа. Ни один из мыслителей античного мира не сделал установку на самопознание основной частью своего учения и руководящим принципом своей деятельности. Лишь Сократ превратил проблему человека и дел его в главную проблему философии, растолковав дельфийскую заповедь как рекомендацию осознать свои способности и возможности. Человек, считал философ, должен приучить себя довольствоваться малым, подражая высокому примеру богов, которые вообще ни в чем не нуждаются.

Сам Сократ не только не гнался за богатством и почестями, но и принципиально отвергал их. Образ его жизни был частью его философии, а поиск истины не оставлял времени и сил для других дел: «Не было у меня досуга заняться каким-нибудь достойным упоминания делом, общественным или домашним; так и дошел я до крайней бедности из-за служения богу». Всегда босой и в старом плаще, Сократ постоянно испытывал людей и приводил их в замешательство тем, что обнаруживал их невежество в вопросах, в которых сами они считали себя компетентными. Философ подвергал критике и некоторые стороны афинской демократии, например, нападал на практику выбора должностных лиц по жребию, поэтому многие расценивали его нелестные отзывы как подрыв государственного строя.

Активная деятельность Сократа давно уже раздражала всех, кто был привержен устоям и традициям полисной старины. Сильное предубеждение против него возникло задолго до 399 года до нашей эры: Анит, например, видел в нем опасного врага, деятельность которого содействовала упадку старинной морали и вела к нравственному разложению граждан. Но, по свидетельству Ксенофонта, тот был зол на Сократа еще и из-за своего сына, который внимательно прислушивался к словам философа о духовном совершенствовании и потому утратил интерес к наследственному в его семье занятию.

И вот философ предстал перед судом присяжных. Справедливости ради следует отметить, что обвинители не жаждали крови Сократа и не добивались его смерти. Они были бы удовлетворены, если бы тот добровольно удалился из Афин и не явился на суд. Но он пришел, хотя сознавал грозящую ему опасность... Выступая последним – после речи обвинителей, Сократ сказал, что защищается только потому, что того требует закон. На суде он говорил не как обвиняемый, а как наставник, призывающий сограждан ценить духовные блага выше материальных. И потому он считает недостойным для себя и для судей, а также «для чести всего города» просить суд об оправдании и слезно упрашивать о помиловании. По той же причине он не захотел привести «своих детей и множество родных и друзей», чтобы те разжалобили судей.

Философа признали виновным, да он и не рассчитывал на оправдание. Но в практике судопроизводства древнегреческих полисов было принято, чтобы обвиняемый (после признания его виновным) сам предлагал себе меру наказания, какое он заслуживает в собственных глазах. Формально это не было апелляцией, однако давало виновному возможность смягчить себе наказание. Суд присяжных должен был выбрать между мерами наказания, предложенными обвинителем и обвиняемым. Но Сократ вместо назначения себе наказания сказал, что для него – человека заслуженного, но бедного – «нет ничего более подходящего, чем обед в Пританее!». То есть он пожелал получить за общественный счет такой обед, который давался гражданам в знак почета и особых их заслуг перед государством.

Предложение Сократа было воспринято судом как дерзость, однако сам философ не видел в этом ничего оскорбительного. Но так как наказание все же требовалось назначить, Сократ готов был заплатить одну мину серебра. Состоятельные друзья уговорили его увеличить штраф до 30 мин и поручились заплатить за Сократа. Однако философ уже вызвал раздражение судей своим неуместным предложением об обеде, поэтому предложение об уплате штрафа не было поддержано. Суд присяжных большинством в 80 голосов вынес Сократу смертный приговор.

Обычно смертный приговор приводился в исполнение сразу же после вынесения, но в случае с Сократом его отложили на 30 дней. Накануне суда наступили дни праздника Аполлона на острове Делос, куда отплыл корабль со священным посольством. В такие дни смертные казни в Афинах приостанавливались до возвращения посольства.

Весь месяц, по свидетельству учеников, Сократ сохранял в тюрьме невозмутимое спокойствие духа, пребывая в обычном для него светлом и бодром настроении. К нему допускали посетителей, он не прерывал общения с друзьями и учениками, с которыми беседовал о жизни и смерти, добродетелях и пороках, законах и полисе, богах и бессмертии души... Накануне возвращения священного посольства Критон – старый друг Сократа – стал настойчиво склонять философа к побегу, детали которого уже были продуманы его друзьями. Желая уговорить Сократа, он сослался на несправедливость приговора, напомнил ему об ответственности перед семьей и малолетними детьми, которые оставались в нужде и безо всякой поддержки. А если побег будет успешным, Сократ найдет себе убежище у преданных друзей в Фессалии. Критон сказал также, что отказ Сократа от побега может бросить тень и на его друзей, потому что люди станут говорить, что друзья отшатнулись от философа в трудный для него час, пожалели денег и усилий для его спасения.

Но бегство из тюрьмы было для Сократа совершенно неприемлемым. Он считал это бесчестным и преступным поступком, а ведь в вопросе о добродетели всегда следует руководствоваться не мнением большинства, а мнением людей разумных и самой истиной. По-прежнему он считал страшнее смерти измену истине и, в частности, своему представлению о справедливости.

Последний день в тюрьме Сократ провел в просветленных беседах о бессмертии души, причем философ так оживленно обсуждал эту проблему с друзьями, что стражник несколько раз просил собеседников успокоиться. Оживленный разговор, дескать, горячит, а Сократу следует этого избегать, иначе положенная порция яда не подействует и ему придется пить отраву два или даже три раза. Сократ признался друзьям, что полон надежды, что за свою справедливую жизнь окажется после смерти в обществе мудрых богов и знаменитых людей.

Когда солнце стало склоняться к закату, для Сократа наступил роковой час. Оставив друзей, он удалился в соседнюю комнату, чтобы совершить там ритуальное омовение перед смертью, символизировавшее очищение тела от грехов земной жизни. После этого он велел позвать жену и сыновей, дал им наставления и велел возвращаться домой, чтобы они не присутствовали при его кончине и не испытывали лишних страданий.

Вскоре в келью вошел тюремщик со скорбной чашей в руках. Сократ, мысленно совершив возлияние богам за удачное переселение души в иной мир, спокойно и легко выпил чашу с цикутой (болиголовом) до дна. Друзья заплакали, но философ попросил их успокоиться, напомнив, что умирать следует в благоговейном молчании. Он еще немного походил, а когда отяжелели ноги, лег на тюремный топчан и закутался. Тюремщик иногда подходил к нему, щупал ноги и спрашивал, чувствует ли он их. Аполлодор предложил Сократу надеть более подходящую к случаю дорогую одежду. «Как? – спросил философ. – Выходит, моя собственная одежда была достаточно хороша, чтобы в ней жить, но не годится, чтобы в ней умереть?» Затем сказал: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»³. Это были последние слова Сократа, который отошел в вечность таким, каким жил, – неустанным и неукротимым искателем истины.

³ Приносить в жертву петуха богу врачевания Асклепию обычно полагалось в знак исцеления. Сократ же в этом случае имел в виду выздоровление своей души и освобождение ее от брэнного тела.

Изгнанные из отечества

Незадолго до того, как афинские судьи выносили смертный приговор Сократу, в Древней Греции проходил другой процесс – над философом Анаксагором. В большом труде, посвященном его жизни и творчеству, исследователь И.Д. Рогожинский сразу же сообщает, что дошедшие до нас хронологические данные о философе очень скудны, к тому же неточны, а порой и вовсе противоречивы. К другим сведениям относятся полуполюгендарные и полуанекдотические сообщения о некоторых событиях и о словах, якобы сказанных Анаксагором по тому или иному поводу.

Анаксагор был родом из небольшого торгового городка Клазомен. Все источники утверждают, что он получил большое наследство, но вскоре утратил его, так как ничем, кроме науки, не занимался. Еще в молодости будущий философ переехал в Афины, где и прожил большую часть своей жизни. Имя Анаксагора в истории афинского государства V века до нашей эры оказалось неразрывно связанным с именем Перикла. Данные об их дружбе и о том влиянии, какое оказал молодой философ на лидера афинской демократии, подтверждаются многими свидетельствами. Достоверно известно, что он написал одно философское сочинение, хотя есть сведения, что у него были сочинения и по другим вопросам, например по применению законов перспективы к театральной живописи.

Греческий рельеф V в. до н. э.

Рассказы о суде над Анаксагором относятся к позднему времени и имеют большей частью легендарный характер, так как нет конкретных сведений ни о времени его проведения, ни о формулировке обвинения, ни о приговоре. Нет даже точных сведений о том, состоялся ли этот суд на самом деле или Анаксагор покинул Афины еще до процесса. Судя по тем отрывочным сведениям, которые все же дошли до нас, философ обвинялся в безбожии, но историки предполагают, что процесс над Анаксагором был только частью кампании против Перикла, которую вели политические противники последнего. О суде над философом сохранилось несколько версий, и одна из них сообщается Плутархом в биографии Перикла: «Перед началом Пелопон-

несской войны прорицатель Диопиф внес в народное собрание законопроект, согласно которому государственными преступниками должны считаться лица, которые не признают установленной религии или распространяют учение о небесных явлениях. Законопроект этот был прямо направлен против Анаксагора, астрономические взгляды которого не соответствовали общепринятым представлениям. И Перикл, опасаясь за судьбу философа, уговорил его покинуть Афины, не дожидаясь суда».

По версии Сотиона, александрийского философа и историка II века до нашей эры, дело все же дошло до суда. Философа обвинили в безбожии, так как он вопреки утверждениям жрецов, что Солнце – это бог Гелиос, пересекающий небесный свод на золотой колеснице, осмелился утверждать совсем другое: «Солнце – не что иное, как сгусток огня, оторвавшийся от Земли силой вращения!» Жрецы требовали сурово наказать вольнодумца за столь дерзкие суждения. В защиту Анаксагора выступил Перикл, который добился, чтобы философа присудили лишь к штрафу в пять талантов и к изгнанию из Афин.

Версия Сатира, биографа III–II веков до нашей эры, известна лишь в изложении Диогена Лаэртского и резко отличается от версий Плутарха и Сотиона. Согласно Сатиру, «обвинение против Анаксагора возбудил Фукидид – политический противник Перикла, причем философ обвинялся не только в безбожии, но и в сочувствии персам. В результате Анаксагор был заочно приговорен к смертной казни». Однако И.Д. Рогожинский в своем исследовании указывает, что версия Сатира содержит серьезные хронологические противоречия. Согласно ей, суд над Анаксагором переносится на более ранние времена, так как в 442 году до нашей эры сам Фукидид навсегда покинул Афины. Исходя из этого, некоторые исследователи считают, что Анаксагор дважды подвергался судебному преследованию: первый раз в 450-е годы до нашей эры, когда шла борьба между Периклом и аристократической партией, и во второй раз – перед началом Пелопоннесской войны.

Диоген Лаэртский приводит еще и рассказ из «Жизнеописаний» Гермиппа, ученика знаменитого александрийского поэта и ученого III века до нашей эры Каллимаха. Гермипп сообщает, что Анаксагора заключили в темницу, чтобы потом предать смертной казни. «Тогда Перикл вышел к народу и спросил: “Может ли кто-нибудь упрекнуть в чем-либо его, Перикла?”. И афиняне сказали, что не могут. На это Перикл сказал им: “А ведь я – ученик его. Итак, не верьте клевете и не предавайте смерти этого человека, но послушайте меня и отпустите его”. Афиняне так и сделали, однако Анаксагор не мог перенести позора и покончил жизнь самоубийством».

Пятая версия о суде над Анаксагором идет от Иеронима Родосского – перипатетика III века до нашей эры. Согласно ей, Перикл привел философа в суд расслабленным и истощенным болезнью, так что судьи оправдали его более из сострадания, чем на основании судебного разбирательства. Так это было или иначе, но философ вынужден был покинуть Афины. Анаксагор поселился в Лампсаке – довольно большом торговом центре на малоазийском берегу Геллеспонта, где пользовался почетом и уважением. Когда правители города спросили философа о его последнем желании, тот попросил, чтобы в месяц его кончины устраивались детские игры. Так и было сделано, а еще в честь Анаксагора был воздвигнут алтарь, и память о философе чтится еще целое столетие после его смерти.

Современником Анаксагора был самый известный древнегреческий софист Протагор. Век софистов был временем расцвета личного самосознания древних греков, выросших под впечатлением персидских войн, после чего великий идеал свободы уже никогда не терял для них своего обаяния. По одним сведениям, Протагор, родившийся в городе Абдеры, сначала был носильщиком. Однажды философ Демокрит, тоже уроженец этого города, увидел, как тот ловко связывает дрова, чтобы их удобнее было нести, и удивился сообразительности Про-

тагора. Он считал его достойным заниматься философией и принял в число своих учеников⁴. Достоверно неизвестно, у кого Протагор учился философии, однако он был весьма красноречив и, увлекаемый славой, отправился в путешествие по Греции. В 451 году до нашей эры он пришел в Афины, где хотел посвятить себя философии и риторике.

Обладая выдающимися способностями, Протагор в течение 40 лет преподавал философию и красноречие и стал известен по всей Греции. Он тоже завоевал уважение Перикла и даже чуть было не сделался его домашним человеком. Со своими учениками он штудировал древних поэтов, изучал мифы и предания, но от его собственных сочинений до нас дошло всего восемь отрывков, которые по большей части состоят из коротких фраз. Это, естественно, затрудняет восстановление целостности учения Протагора не только в полном объеме, но и по отдельным вопросам.

Протагор был первым в Греции философом, который стал учить за плату, из-за этого он даже вел судебный процесс с одним из своих учеников. Богатый юноша Эватл хотел научиться судебному красноречию и заплатил Протагору столько, сколько тот потребовал. Половину денег он отдал сразу же, а вторую часть договорился отдать в тот день, когда блестяще выиграет свое первое дело. Эватл долго был спутником и слушателем Протагора, многому у него научился, но к самостоятельному делу все не приступал. Казалось, что он совсем не собирается платить вторую часть оговоренной суммы, и тогда Протагор затеял тяжбу. Когда они пришли к судьям, философ так начал свою речь: «Объясни мне, глупый юноша, который из двух способов приведет к тому, чтобы ты удовлетворил мой иск. Решение суда будет или “против” тебя, или “за” тебя. Если “против”, то плата должна следовать мне по существу дела, так как я окажусь победителем. Если “за”, то плата должна мне следовать по условию, так как ты победишь (в своем деле. – *Н. И.*). Объясни же и ты мне, мудрейший учитель, какой из двух способов приведет к тому, что я не удовлетворю твоего иска... Если судьи выскажутся “за” меня, ты ничего не получишь по решению, ибо я окажусь победителем; если же “против” меня, ты ничего не получишь по условию, так как я не выйду победителем». Судьи решили, что слова обоих малопонятны и сомнительны и, чтобы не высказаться в ту или другую сторону, решили затянуть дело. Этот процесс в науке тоже считается вымыслом, но он является прекрасным образцом греческой софистики.

Под конец жизни счастье изменило Протагору, когда один из учеников обвинил его в вольнодумстве. Поводом послужила «Книга о богах», в начале которой философ написал: «Относительно богов я не могу знать – есть они или их нет. Многое препятствует этому – неясность предмета и краткость человеческой жизни». От таких слов жрецы пришли в негодование, и Протагору тоже пришлось спасаться от преследований. Не надеясь на оправдание, в 411 году до нашей эры 70-летний философ отправился на корабле в Сицилию, а в это время на одной из афинских площадей жгли его книги. По пути во время бури философ погиб...

Трудная судьба выпала и на долю древнегреческого поэта и философа Ксенофана Колофонского, который учил о единстве, вечности и неизменяемости сущего. Странствующий певец, он с кифарой бродил по городам Древней Эллады и пел о том, что не боги создали людей по своему подобию, а люди создали богов по своему образу. Он говорил: «Не от начала все открыли боги бессмертные, но постепенно, ища, люди находят лучшее». Ксенофана тоже изгнали из родного города, и он вынужден был всю жизнь скитаться по греческой земле, нигде подолгу не задерживаясь, чтобы избежать расправы за свои богохульные мысли.

⁴ В науке эта история считается вымыслом, так как семья Протагора была достаточно богата; к тому же Демокрит был на 20 лет моложе Протагора.

«Последний римлянин» Боэций

В наше время, наверное, лишь специалисты знают имя Боэция – философа, авторитет которого в период раннего Средневековья уступал разве что лишь авторитету Блаженного Августина. Аниций Манлий Северин Торквай Боэций (таково его полное имя) родился в Риме около 480 года, в семье родовитого римского сенатора. Мальчик рано лишился отца, и его взял на воспитание Квинт Аврелий Меммий Симмах – глава Сената и префект Рима, один из самых образованных людей своего времени, оказавший на юного Боэция значительное влияние.

Философ с учениками. Рельеф. Поздний Рим

В 510 году Боэция отправили консулом в Рим, а в 522 году король Теодорих назначил его наставником должностей – фактически первым министром в правительстве. Однако современники знали и почитали Боэция не только как выдающегося государственного деятеля, еще больше восхищались они его образованностью и философскими трактатами. Он был знаком с трудами греческих и латинских авторов, а также с сочинениями античных римских писателей и поэтов, математиков и ученых. И не только знал эти сочинения, но, прекрасно владея греческим языком, сделал классические переводы их. Писатель, теолог и историк Кассиодор, современник Боэция, говорил: «Благодаря твоим переводам, итальянцы читают музыканта Пифагора и астронома Птолемея, сыны Авзания внимают знатоку арифметики Никомаху и геометру Евклиду, теолог Платон и логик Аристотель спорят на языках Квирина, и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в обличии римлянина. Какие бы науки и искусства ни создала силами своих мужей красноречивая Греция, все их от тебя одного Рим принял на родном своем наречии».

Средневековая философия обязана Боэцию детально разработанной терминологией, причем принесенной не только из произведений Аристотеля и Цицерона, но и оригинальной: «вид», «универсалии», «разделение» и другие понятия впервые встречаются именно у него. Боэций предложил также разграничить сферы разума и веры (философии и теологии), которые отличаются друг от друга не только предметом изучения, но и способом мышления. Он считал, что истины веры должны быть подкреплены доказательствами разума, и сформулировал эту

идею в своем трактате «О троичности». Прославился Боэций и как поэт, и как прекрасный стилист, и даже как механик-изобретатель.

Казалось, не было таких даров, которыми бы судьба не наградила Боэция. Но люди удачливые, особенно если они талантливы, всегда имеют завистников и недоброжелателей. Те, воспользовавшись напряженностью отношений между Равенной⁵ и Константинополем, сочинили политический донос, и в один момент судьба устремила на Боэция свой «леденящий взор». В 594 году прославленный философ был обвинен Сенатом в государственной измене. Причиной для привлечения Боэция к суду стали подозрительные для варваров контакты с Византией – если и не его самого, то близких к нему людей. Сейчас уже трудно с достоверностью говорить о «заговоре сенаторов», так как сохранилось очень мало исторических данных по этому вопросу. Но тогда Боэций с горечью узнал, сколь ненадежными могут быть вчерашние сторонники. От королевского референдаря Киприана поступил донос о тайных письмах, которые якобы отправил императору Восточной Римской империи Юстиниану близкий Боэцию сенатор Альбин. За доносом последовал суд «священного консистерия», который состоялся не в Равенне, а в Вероне, куда и поспешил Боэций.

Полагаясь на свой авторитет, ученый встал на защиту друга и выступил с заявлением, что донос ложен; а если Альбин виновен, то и он тоже может быть обвинен. Однако выступление Боэция только подтвердило подозрения Теодориха в измене подданных, и Киприан, «немного поколебавшись», распространил свое обвинение и на него, представив лжесвидетелей. Обоих обвинили в желании восстановить утраченное единство Римской империи и освободить ее от готов. Боэция обвинили еще в оскорблении святынь и даже в занятиях философией, которые и привели его к государственной измене. За философа ходатайствовал только один римлянин – его тесть Симмах, но другие сенаторы побоялись выступить против короля, поддержали выдвинутые против Боэция и Альбина обвинения, и тех взяли под стражу.

Из Вероны философа отправили в заключение в город Тичин (современная Павия). Несколько месяцев перед казнью Боэций провел в крепости Кальвенцано, где и написал свое знаменитое сочинение «Об утешении философией». Высшую истину Боэций ищет за пределами земного существования – в сфере совершенного бытия, от которого все сущее находится в прямой зависимости и которое в то же время является высшим и абсолютным благом. Основная тема сочинения – вечное противоборство и неразрывность судьбы и мудрости, тайну которых пытались постичь многие ученые в разные исторические эпохи. В блеске своей земной славы Боэций слыл образованнейшим и умнейшим человеком, перед лицом смерти он показал себя мудрецом. В величайших страданиях он не стал взывать о пощаде ни к земному правителю Теодориху, ни к Царю небесному – Иисусу Христу, о котором он даже не упоминает в своем сочинении, как не ссылается и на Священное Писание. Это было необычно, так как христианство уже два века являлось господствующей религией. Утешительницей Боэция становится Философия, которая заново проводит узника по лабиринтам его судьбы, сопрягая ее с судьбой мира и вечностью.

В своей темнице он вел с Философией долгие беседы о переменчивости земного счастья, и суть вопросов, которые Боэций ставит перед ней, сводится к следующему: если Бог существует, то как могло случиться, что, всегда живя честно и праведно, неизменно служа добру и противодействуя злу, он, Боэций, не только не был вознагражден, но даже наказан и осужден на смерть? Почему Бог не только допускает зло, но и позволяет ему торжествовать над добром? Почему в этом мире чаще преуспевают злодеи, а не добродетельные люди? Почему преступники могут надеяться на безнаказанность, а праведники лишены всякой защиты?

И Философия утешала Боэция: «Злодей, незаконно освобожденный от наказания, много злополучнее тех, которые испили из чаши лишения за правду». Размышляя о единственно

⁵ Равенна была тогда столицей государства, которое в 493 г. создали на Апеннинском полуострове остготы.

прочном благе, Боэций находит его в чистоте совести, и потому из тюремной темницы прозвучал его уверенный голос: нет, злу никогда не одолеть добра, ибо зло по своей сути бессильно. Мир благ по своей природе, в нем нет места злу, а то, что человеку представляется злом и несправедливостью, таковым на самом деле не является. Да, Фортуна превратна и обманчива, но она не имеет никакого отношения к подлинному человеческому счастью. Порочные и злые люди никогда не достигнут блага, ибо стремятся только к собственной выгоде, в то время как благо достигается на пути добродетели.

Однако сквозь строй философских рассуждений в трактате то и дело прорывается человеческая боль, и Боэций не скрывает, что есть мгновения и часы страданий, когда даже мудрость не утешает. Но узник преодолевает все сомнения, ибо убежден, что мудрец не может быть несчастным, потому что цель мудрости – истинное блаженство. Постоянно пребывать в печали может только неразумный и ленивый душой человек, а мудрец сможет преодолеть все несчастья, не уклоняясь от ударов Судьбы. Чтобы преодолеть их, человеку надо стать совершеннее, чем сама Судьба. Только тот, кто постоянно находится на вершине своей души, может стать действительно счастливым.

Личная добродетель не зависит ни от заслуг, ни от почестей, ни от знатности предков, ни от богатства. Однако путь добра труден, он проходит через страдания и муки, соблазны и слабости собственной природы сбивают человека с этого пути, но все-таки это единственный путь, ведущий к счастью. И путь этот предначертан Тем, Кто в безраздельной вечности знает все, что было, есть и будет в этом мире...

Вскоре после смерти философа неизвестный поэт начертал на его могиле: «Здесь покоится Боэций, толкователь и питомец Философии, стяжавший славу, достигшую звезд. Его превозносит Лациум, о нем скорбит побежденная Греция. Но не погиб ты от чудовищного злодеяния тирана. Твое тело покрыто землей, но имя переживет века».

Апостольское служение солунских братьев

Солунские братья Константин и Мефодий родились в благородной семье: их отец был благочестивый и знатный сановник, состоявший на службе у греческого императора. Братья получили прекрасное образование, и отец определил Мефодия на военную службу. Император, приметивший его ум и образование, вверил Мефодию высшую военную власть в той части Македонии, которая была населена славянами. Около 10 лет управлял Мефодий вверенной ему территорией, но на высоком посту увидел он «много смуты и преступлений в этой жизни», отказался от «воеводского сана» и ушел в монастырь Олимп, располагавшийся в области Вифиния. Здесь уже в то время жило много монахов, отличавшихся строгой подвижнической жизнью, Мефодий «постригся в черные ризы» и строго выполнял все монашеские уставы: молился и изучал закон Божий.

Братья пользовались известностью как люди умные и образованные, а Константин за свою ученость был даже прозван философом. Он находился в тесных отношениях с Фотием (впоследствии патриархом Константинопольским), а это был человек, по уму и образованию превосходивший многих своих современников. Константин пользовался его уроками, знал язык славян, хазар и еврейский, было ему известно и самаритянское наречие. Он занимал важные посты в византийской государственной иерархии, ездил с ответственными миссиями к арабам, хазарам и западным славянам. Например, когда хазары, обитавшие между Волгой и Азовским морем, попросили византийского императора прислать им ученого богослова для разрешения теологических споров, Михаил III отправил к ним Константина, и тот успешно выполнил это поручение. А после завершения своей арабской миссии он приехал в монастырь к Мефодию. В науке существует мнение, что именно тогда в монастыре и были созданы славянская азбука и письменность для балканских славян, живших в пределах Византии.

Кирилл и Мефодий переводят книги на славянский язык. Радзивилловская летопись

Весной 863 года по приглашению моравского князя Ростислава братья прибыли в Моравию, где их встретили с почетом и с особенной радостью, так как уже прошла молва, что для распространения Христова учения новые учителя везут с собой изобретенные ими письмена, понятные народу. До этого немцы проповедовали по-латыни, византийские проповед-

ники молились по-гречески, так что те и другие не были выслушиваемы моравами. Князь Ростислав понимал, что немецкие епископы, под предлогом распространения христианства, хотят подчинить его народ германцам. К этому прибавятся и сбор церковной десятины, и поборы в пользу Зальцбургского архиепископа. А он хотел к независимости политической, добытой в борьбе с королем Людовиком, присоединить и стремление моравов к церковной самостоятельности. И потому пришел к убеждению, что лишь учреждение в Моравии отдельной церковной митрополии, независимой от германской, может оградить его земли от чуждых притязаний. Но это могло случиться, если бы исходило от Рима, при условии непосредственного подчинения римскому папе, который и освятил славянское епископство в Моравии.

Кирилл начал проповедовать в Моравии, а Мефодий перенес проповедь в более мирную и более доступную делу просвещения сторону – в Паннонию. Братья принялись за просвещение князей и всего народа моравского светом учения Христова, учили детей грамоте, устраивали богослужения на славянском языке, искореняли суеверия. «И рады были славяне, – пишет летописец, – слышаще величия Божия своим языком!»

Но совсем не радовались тому немецкие епископы, которые давно уже трудились в Моравии и Паннонии, но мало преуспели в своей деятельности. Заботясь больше о своей выгоде, чем об истинном просвещении народа, они не приобрели над ним сильного влияния. Богослужение совершали на непонятном языке, Священное Писание не объясняли, требуя лишь внешнего исполнения обрядов, а не соблюдения Христовых заповедей. Поэтому неудивительно, что народ сразу же обратился к солунским братьям, которые наставляли его с любовью и мудростью, причем на его родном языке. Это возбудило зависть немецких епископов, которые стали всячески вредить Кириллу и Мефодию. Например, распространяли среди народа понятия, что слово Божие следует проповедовать только на еврейском, греческом и латинском языках, а поступающий иначе считается еретиком. На это братья отвечали им: «Не на всех ли равно падает дождь небесный? Не всех ли освещает солнце, не все ли мы дышим воздухом? Не всем ли людям Господь желает спасения, не для спасения ли всех пришел Он на землю? А потому не все ли люди должны славить и благодарить Его на их родном наречии? Так как же вам не стыдно признавать только три языка, а остальные народы заставляя быть немыми и глухими?»

Нападки и жалобы немцев тем не менее доходили до римского папы Николая I, который пригласил славянских проповедников прибыть в Рим. Братья охотно согласились, и, взяв с собой часть мощей Святого Климента, которые они приобрели неподалеку от Севастополя во время хазарской миссии, отправились к апостольскому престолу. По дороге они проповедовали некоторым славянским племенам, а в Венеции выдержали сильный спор с представителями Рима о славянской церковной службе.

Тем временем папа Николай I скончался, и его преемником стал папа Адриан II. Миролюбивый по природе, он очень обрадовался прибытию славянских проповедников и даже вышел встречать их за город – в сопровождении духовенства и множества народа. Он с благоговением принял мощи Святого Климента, а книги, переложенные на славянский язык, освятил и положил на престол во время богослужения как драгоценное приношение Богу. Папа Адриан II не поверил клевете, возведенной на Кирилла и Мефодия, наоборот, признал еретиками тех, кто утверждал, что Евангелия следует читать только на трех языках. Он рукоположил Мефодия и нескольких его учеников в священники и даже разрешил в трех римских церквах (Святого Петра, Святого Павла и Святого Апостола Андрея) совершить богослужение на славянском языке. Но Кирилл недолго радовался торжеству своего дела. Вскоре после прибытия в Рим он тяжело заболел и, почувствовав, что жить ему осталось недолго, принял схиму. Он не боялся умереть, его тревожила только мысль, чтобы после его смерти не остановилось начатое дело просвещения славян. Последние слова его к Мефодию были такими: «Брат мой возлюбленный! До сих пор мы были с тобой, как два вола, запряженные в один плуг. И вот я умираю и падаю на борозде, рано кончив день свой. Знаю, ты возлюбил уединение на горе Афон, но

молю тебя: не покидай из любви к уединению начатого нами дела, ибо сим подвигом ты вернее приобретешь спасение».

Кирилл умер на 42-м году жизни – 14 февраля 869 года. Мефодий исполнил волю брата и посвятил всю оставшуюся жизнь и все свои силы делу просвещения славян. Вернувшись епископом в славянские земли, он увидел в Паннонии еще больше вражды и зависти со стороны немецких епископов. Они клеветали на Мефодия и даже угрожали ему смертью. Германский император весьма неблагоприятно смотрел на распространение славянского языка в своих владениях, моравский князь Святополк тоже не благоволил к Мефодию, который обличал его за страсти и пороки. И напрасны были все усилия князя Коцела поддержать проповедника: в 870 году немецким епископам удалось похитить и переправить Мефодия в Баварию, где над ним состоялся суд. Борьба Мефодия с немецким духовенством отражена в легендах об этом суде над ним. Немецкие епископы увидели в священническом сане Мефодия ущемление своих прав и не позволяли ему отправлять в тех землях свои епископские обязанности. «В нашем царстве учишь», – говорили они, на что он отвечал им: «Если бы я сознавал, что эти страны принадлежат вам, я удалился бы: но они принадлежат Святому Петру. Если же вы, вследствие честолюбия и других нечистых побуждений, будете препятствовать божественным постановлениям, то берегитесь, чтоб, желая пробить головой железную гору, не повредили бы себе мозга!»

Такая речь Мефодия раздражила немецких епископов, и стали они грозить ему смертью. Он ответил: «Я говорю правду перед королями и не стыжусь; вы же можете делать со мною, что хотите: я не лучше тех, которые приняли мученический венец за слово правды». Спор продолжался долго, часто Мефодий заставлял своих врагов умолкать, но они все равно осудили его и заключили в темницу монастыря в Элвангене (по другим сведениям – в Рейхенау).

Когда римский папа Иоанн VIII узнал, что епископ Мефодий содержится в заточении, он сильно разгневался и потребовал его освобождения. В 873 году он обратился к епископу Германариху с такими словами: «Мы уверены, что нужен целый источник слез, как показывает пророк Иеремия, чтобы оплакать твое безобразие. Действительно, чья еще жестокость, говоря не только о епископах, а о любом светском человеке, и даже тиране, или чья зверская свирепость может сравниться с твоей дерзостью, с твоим решением подвергнуть нашего брата и соепископа Мефодия к заключению. Как посмел ты столь сурово и бесчеловечно наказать его, заставить стоять продолжительное время под открытым небом в зимнюю стужу и под дождем; как посмел ты отстранить его от вверенного ему руководства церковью и как пришла тебе безумная мысль привести его на епископский собор и бить его конским бичом».

Возвращение Мефодия вызвало новое сопротивление со стороны немецкого духовенства, и оно еще не раз строило против него козни. Но он прибыл в Моравию в благоприятный для славянского просвещения момент: пытаясь освободиться от немецкого господства, герцог Святополк решил выгнать из страны немецкое духовенство, и потому Мефодий был встречен с радостью.

В клетке без прутьев

В IX–X веках одно из первых мест на Востоке занимало государство Саманидов. Правители этой династии расширили его путем завоеваний, заботясь в первую очередь о создании хорошей оросительной системы и безопасности торговых путей. В период их правления строились мосты и караван-сарай, успешно развивались торговля, земледелие и ремесла; саманидские купцы доходили до приморского побережья Китая, бывали в России и на южном побережье Балтийского моря. Даже на берегах Рейна охотно рассчитывались саманидскими монетами, потому что они чеканились из хорошего серебра и были достаточно тяжелы. Значительный хозяйственно-экономический подъем и укрепление феодальных отношений обусловили развитие в государстве Саманидов культуры и науки – математики, механики, астрономии, геологии, химии, физики, ботаники и зоологии, а также архитектуры и картографии. Развивались и общественные науки – философия, история, эстетика, психология, педагогика.

В ту эпоху из образованных кругов феодального общества Средней Азии и Ирана вышли многие выдающиеся личности, возвысившиеся силой своего гения, и в их числе аль-Бируни, обладавший разносторонними знаниями и дарованиями. Он был величайшим ученым своего времени – астрономом, минералогом, географом, историком. В решении ряда научных проблем аль-Бируни намного опередил свое время, например, признавал основательность взглядов индийских астрономов о движении Земли вокруг Солнца и творчески развивал их. Он вычислил радиус Земли, с удивительной для своего времени точностью определил удельный вес многих металлов и минералов, высказывался о притяжении предметов к центру Земли, правильно предположил, что долина реки Инд в прошлом была морским дном и т. д.

Ученый с учениками. Восточная миниатюра

В конце X века пало государство Саманидов. Его столица Бухара была захвачена могущественным султаном Махмудом Газневи. Это был человек жестокий и твердый, принадлежавший к ортодоксальному мусульманскому толку; кроме того, он был хитер, честолобив и напорист. Все силы своего ума Махмуд Газневи направил на то, чтобы стать самым богатым,

самым могущественным государем на земле. О его столице Газни⁶ вскоре стали говорить как о втором Багдаде – так богата была резиденция султана Махмуда.

Султан Махмуд был не только воином. Он был достаточно образованным человеком, владел не только языком дари, на котором изредка сочинял стихи, но и арабским. В часы досуга султан составлял большой комментарий к Корану; он первым на исламском Востоке построил и открыл государственное медресе, где было собрано большое количество ценных рукописей. Махмуд Газневи хотел быть и покровителем искусств и наук, хотя порой походя рубил головы ученым, осмеливавшимся делать научные выводы, не согласовав их с его мнением. Так, султан чуть было не бросил под ноги своих боевых слонов поэта Фирдоуси, сочтя его поведение дерзостью.

Около 1010 года Мамун ибн-Мамун, правитель Хорезма, призвал к себе аль-Бируни и сделал его своим первым советником. К этим же годам относится и создание знаменитой «Академии Мамуна», где вокруг аль-Бируни собрался блестящий круг ученых, приглашенных хорезмшахом из разных стран. Могущественный правитель Газни давно уже приглядывался к богатым территориям северного соседа, да и хорезмийских ученых – аль-Бируни, Ибн Сину, Абу-Сахля, Масихи и прочих – хотел прибрать к рукам. Пусть украшают своим присутствием его трон! Пусть работают во славу газнийского владыки!

И вскоре Махмуд Газневи со своим верным визирем начали плести паутину интриг. В ход пошли дипломатические тонкости и посулы, подарки и подкупы; султан даже выдал замуж за хорезмшаха свою младшую сестру, рассчитывая, что родственник будет сговорчивее. Но Хорезм оставался неприступным, однако султан Махмуд был настойчив, все упорнее оплетал он непокорную страну своей паутиной. Нажим султана вскоре сделался так силен, что даже обособленность Хорезма, высившегося тихим островком среди бушующей и воинственной Средней Азии, не могла спасти его.

Однако ученые не польстились на обещания султана и под тем или иным предлогом отказывались от его милостей. Это стало раздражать султана Махмуда, и он потребовал, чтобы хорезмшах прислал ему ученых из Ургенча, дабы он «тоже имел честь воспользоваться их беседой». Но реальную пользу от поэтов правитель Газни видел только тогда, когда они воспевали его подвиги; ученых признавал, если они служили этой же цели... Аль-Бируни не захотел оставить своего правителя в беде, но хорезмшах Мамун вскоре погиб, и султан Махмуд двинул свое огромное войско на Хорезм.

Богатая событиями жизнь аль-Бируни впоследствии поражала своей необычностью и давала повод к возникновению многочисленных легенд, например, об обстоятельствах его переезда в Газни. Добровольно ли он отправился в столицу султана Махмуда в поисках хорошего заработка или насильственно был уведен туда под стражей и в кандалах, как опасный преступник? Большинство исследователей склоняется ко второй версии: когда в 1017 году столица хорезмийского княжества была разрушена, великий ученый попал в плен и «в качестве пленника-заложника он вместе с другими видными хорезмийцами был отведен в Газну» и был даже там посажен в тюрьму. Индийский востоковед С. Барани считает, что в Джайпуре великий аль-Бируни находился в качестве узника – под стражей. А.М. Беленицкий отмечает следующее: «Одно время жизнь Бируни висела на волоске. Вероятно, то обстоятельство, что он был автором сочинения по истории карматства, послужило предлогом для обвинения его в неверии и принадлежности этому движению. Махмудом был отдан приказ о казни Бируни и другого близкого к нему ученого из Хорезма – Абд ас-Самада Ауваля. Лишь благодаря заступничеству визиря... жизнь Бируни была спасена. Абд ас-Самад же был казнен».

⁶ Город Газна (Газни) ныне входит в состав Афганистана, а в описываемое время он был столицей огромного государства, раскинувшегося от северных границ Индии до южных берегов Хазарского моря.

П.Г. Булгаков, исследователь жизни и творчества аль-Бируни, считает, что если эти сведения и не отражают реальных фактов, то все равно имеют косвенные фольклорные свидетельства о недружелюбном отношении к ученому в Газни. Сам аль-Бируни нигде не сообщает об обстоятельствах перемены своего местожительства, но анализ его трудов говорит о подневольном переезде. Правда, некоторые ученые считают, что и в этом случае не надо сгущать краски о кандалах, вооруженной страже, тюрьме и т. д.

В Газни султан поселил знаменитого ученого в одном из дальних закоулков дворцовой крепости – на положении почти пленника, положив ему скудное жалованье и поставив такое условие: «Если хочешь, чтобы при мне счастье твое было с тобой, то говори не о своей науке, а говори то, что соответствует моему желанию». Невыполнение этого условия могло стоить ученому жизни, и некоторое время аль-Бируни жил относительно мирно с султаном Махмудом. Но скрытые, а порой и открытые столкновения между ними продолжались почти все время. Например, однажды аль-Бируни заступился за купцов из далеких северных земель, которых султан Махмуд обвинил во лжи, когда те рассказали ему о полярной ночи и северном сиянии. Неприязненно встретили прославленного ученого и придворные звездочеты, а осведомители сообщали султану о каждом его шаге, каждом произнесенном слове. В Газни ученый вел замкнутый образ жизни, и только работа оставалась его единственной радостью.

Хотя в своем знаменитом труде «Описание Индии» аль-Бируни с горечью отмечал, что его «время не благоприятствует науке», в Газни он написал задуманную еще в прошлые годы «Историю Хорезма», дошедшую до нас лишь в отрывках, закончил «Тахдид» – работу по геодезии, обширный труд «Обучение началам искусства астрологии». Однако, вопреки названию, астрологии здесь уделено совсем немного места: ученый не верил астрологическим исчислениям и только по обязанности составлял гороскопы для султана Махмуда и его приближенных.

Вскоре аль-Бируни переключил свое внимание на Индию. Ученому было уже около 50 лет, когда он засел за изучение санскрита и вскоре настолько преуспел в этом, что переводил с него на арабский и с арабского на санскрит. Но вопреки всем традициям восточных дворов свой труд «Описание Индии» аль-Бируни не посвятил султану Газни, он даже не именует его в тексте пышными хвалебными титулами. Более того, ученый резко критикует индийскую политику султана, который «полностью разрушил процветание страны и совершил столь удивительные подвиги, что индусы превратились в атомы праха, разлетевшиеся по всем направлениям».

Наряду с подлинными поэтами и учеными, при дворе султана подвизалось и немало хитрых невежд и бездарей, стремившихся клеветой и лестью пробиться «поближе к свету». Аль-Бируни отмечал, что многие готовы были на любую подлость ради карьеры и злата, и потому при дворе султана царил тяжелая атмосфера интриг и доносов. Почти все сочинения аль-Бируни газнийского периода проникнуты жалобами или на неуважение к науке, или на собственную судьбу. Все время ученый находился под надзором не доверявшего ему султана Махмуда, должен был постоянно быть при нем, сопровождать его во всех походах. Но, невзирая на трудности и даже опасность своего положения в Газни, ученый при каждом удобном случае вступал с придворными в жаркие споры, которые обычно оканчивались посрамлением его противников. «Однажды сам султан Махмуд вздумал испытать его знания и дал ему однажды аудиенцию в большом зале своего дворца, в котором было четверо дверей. И повелел ему угадать, через которую из них он выйдет. Аль-Бируни тотчас попросил бумаги и чернил, и, написав записочку, в которой содержался его ответ, спрятал ее под подушку, на которой сидел султан. Тот приказал разломать часть стены в зале и вышел в этот пролом. Вынув же из-под подушки записку аль-Бируни, нашел в ней, что султан должен выйти из залы через пролом.

Махмуд приказал немедленно выбросить ученого в окно, но аль-Бируни еще заранее велел приготовить под окном скат, по которому и скатился без всякого вреда для себя».

Султан хотел посрамить ученого, но оказался сам посрамленным; этого он простить не мог и приказал посадить аль-Бируни в заточение. Начальник крепости отнесся к своему зна-

менитому узнику доброжелательно: он поместил его в чистую комнату, посылал вкусную еду, а через несколько дней аль-Бируни получил подарки – большую глиняную флягу с редким вином и мешочек с сахаром.

Дни слагались в недели, недели – в месяцы... Полгода протомился аль-Бируни в заточении, и все это время его верный слуга Майменди искал случая, чтобы напомнить султану о хозяине. Однажды после удачной охоты он стал просить за аль-Бируни, и султан Махмуд согласился выпустить ученого. Даже пожаловал ему коня, 1000 динаров и молодую невольницу, но аль-Бируни просил только разрешения вернуться к своим занятиям. Но «все кончается по истечении своего срока» – гласит восточная мудрость. В 1030 году настал день кончины султана Махмуда, и аль-Бируни обрел свободу.

«Князь ученых» ибн Сина

В эпоху раннего Средневековья не было ученых – специалистов только в одной области науки. Поскольку круг знаний по естествознанию был тогда ограничен и изучались такие науки только в связи с философией, то от ученых требовались познания во всех областях наук. Ибн Сина тоже был ученым-энциклопедистом. Трудно назвать область знаний, которая бы не была освещена блеском его таланта: он изучал движение тел, свойство инерции, состав и строение органических соединений и минералов... Он стремился проникнуть в тайну происхождения живых существ, наблюдал звезды с помощью приборов, которые сделал сам...

Ибн Сина. Средневековая гравюра

Еще в юношеские годы Ибн Сина прославился как врачеватель, и в 17 лет его пригласили лечить самого саманидского правителя. Он успешно справился с возложенной на него задачей, вылечив эмира от считавшейся неизлечимой болезни, и в награду получил доступ в царскую библиотеку, в которой имелись уникальные трактаты по многим отраслям знаний. К 18-ти годам Ибн Сина предстал перед современниками уже широко образованным человеком. К этому же времени относятся и его первые труды, среди которых – большой философский трактат «Книга знаний», посвященный вопросам логики, физики, метафизики, математике, астрономии и музыке...

В конце X века государство Саманидов пало под ударами войск Махмуда Газневи. Султан Махмуд установил такой режим правления, что исключалась даже возможность свободного творчества. Он насаждал арабский язык, язык фарси изгнал из всех государственных учреждений, и потому любовь Ибн Сины к родному языку воспринималась как вызов. Первое время он вынужден был в поисках работы переезжать из одного города в другой, от одного эмира – к другому. В 21 год Ибн Сина оказывается в Ургенче – столице Хорезма, где во главе «Академии Мамуна» стоял великий аль-Бируни. Авиценну (так в Европе называли Ибн Сину) в Хорезме приняли хорошо, назначили ему жалованье как мусульманскому правоведу, здесь ученый наконец-то обрел друзей и единомышленников, но его многообразная и плодотворная работа в Академии вскоре была прервана, так как Махмуд Газневи потребовал, чтобы все ученые прибыли к его двору.

Авиценна не захотел отправиться в Газни и, переодевшись дервишем, вместе со своим другом Масихой ночью бежал из Ургенча. Позже Ибн Сина перебрался в Рей, но к городу приближались войска Махмуда Газневи, и ученый уехал в Хамадан, где эмир Шамса ад-Давла назначил его визирем. Но Авиценна был противником турецких наемников, и когда те подняли против правителя Хамадана мятеж, то его обвинили в задержке выплаты жалованья. Бунтовщики ворвались в дом Ибн Сины, разграбили имущество ученого, а его самого схватили и бросили в темницу. Они даже потребовали, чтобы правитель казнил Ибн Сину, но тот на казнь не согласился, а для успокоения мятежников отстранил ученого от должности. После этого Ибн Сина в течение сорока дней скрывался в доме одного местного жителя, однако через некоторое время заболевший эмир вновь вызвал его к себе. Ибн Сина излечил эмира, после чего был восстановлен в должности.

Народ любил ученого, и маленькую площадь перед домом Ибн Сины всегда заполняли люди, среди которых были богатые и знатные. Однако больше было больных, жаждущих исцеления от чудодейственных рук знаменитого врача. Много было бедных крестьян, ремесленников и торговцев, которые приносили с собой жалобы на сборщиков податей и других мелких чиновников. Вместе с учениками Ибн Сина обходил больных, назначал им лечение, а затем ехал на заседания дивана. Иссохшие люди в лохмотьях целовали перед ним землю и долго бежали следом. Ученый, как мог, восстанавливал справедливость, но с каждым днем убеждался, что сделать он может не очень-то много. Для больных и голодных повар Ибн Сины готовил в огромном котле еду, и когда после полуденного намаза ученый возвращался домой, начинался общий обед.

Если простой народ любил ученого, то правителям он часто был неугоден. После смерти эмира Шамса ад-Давла, в правление его сына, враждебно относившегося к ученому, Ибн Сине вновь пришлось скрываться в доме знакомого, где он закончил несколько основных разделов своей «Книги исцеления». Когда Ибн Сина работал над своим трудом, правитель Хамадана заподозрил его в сношениях с правителем Исфахана и приказал посадить ученого в крепость Фарджан, которая была возведена на высокой скале неподалеку от Хамадана для защиты подступов к столице. Высокие толстые стены с бойницами, тяжелые подъемные ворота на ржавых скрипучих цепях, служившие одновременно и мостом... Несколько построек за этими стенами – дом коменданта, казарма для немногочисленного гарнизона и тюрьма, в которой много лет томился старый, помешавшийся в уме человек, вина которого давно была забыта. Едва Ибн Сина вошел в предоставленное ему помещение, как в голове его начали складываться горькие строки:

Вхождение мое в эту крепость явно, как ты сам видишь,
Но совершенно сомнительно дело моего выхода из нее.

Кто знает, не суждена ли и ему участь несчастного старика, который потерял в тюрьме не только молодость и память, но и рассудок! В крепости Ибн Сина пробыл более четырех месяцев. Однако он не позволял себе долго задумываться над своей печальной судьбой. Целыми днями он писал, поднимаясь с рассветом, и только вечером, когда спускалась прохлада, выходил на крепостную стену и смотрел на звезды. Комендант крепости, старый и спокойный человек, полагал, что по звездам узник пытается определить день своего освобождения. Он был глух, и глухота его все усиливалась. На третий день заключения Ибн Сина осмотрел его уши, промыл их и вытащил серные пробки, после чего старик стал различать привычные звуки. В благодарность за исцеление он приказал освободить ученого от цепей, даже принес узнику бумагу из собственной канцелярии, чернильницу и тростниковое перо, и в заключении Ибн Сина написал «Книгу о правильном пути», переделал «Книгу о коликах»...

Хайи ибн-Якзан – так звали коменданта крепости, и его имя переводится как «Живой, сын Бодрствующего». Он, много повидавший и испытавший в жизни, был простым неграмотным воином, но в разговорах с ним Ибн Сина и сам обретал то спокойствие, каким веяло от старика. Тот был бесхитростен и словоохотлив, страдал бессонницей и был рад, что нашелся человек, с которым за разговорами можно провести хоть часть ночи. Все виденное и пережитое старик рассказывал с такими точными подробностями, что Ибн Сине захотелось записать все его рассказы. Но, поразмыслив, он отобрал лишь главное из них, и так в уме его сложилась философская повесть «Живой, сын Бодрствующего»⁷.

День за днем проходили недели и месяцы, но ни один звук внешнего мира не долетал до узника. Однако нет покоя в маленьких феодальных владениях, нет прочности в тронах их правителей! Как-то утром комендант сообщил ученому, что, видимо, где-то поблизости началась война. Ночью хамаданские солдаты разбили лагерь у подножия крепости, а на рассвете двинулись дальше – в сторону Исфахана. Не прошло и недели, и крепость Фарджан стала приютом для самых знатных людей Хамадана. Исфаханский правитель Ала уд-Давла в несколько дней выиграл войну, вошел в Хамадан, и бежавшая оттуда знать укрылась в крепости. Так правители страны и заключенный ими узник оказались в равном положении.

После освобождения Ибн Сина еще некоторое время прожил в Хамадане, а потом в рубище дервиша перебрался в Исфахан, правитель которого встретил знаменитого ученого очень радушно и даже приказал каждую пятницу, по вечерам, устраивать собрания с участием местных ученых. Однако и здесь Ибн Сина не чувствовал себя в безопасности. В 1029 году город был взят войсками сына Махмуда Газневи. В пылу сражений пострадало имущество ученого и погибло его философское 20-томное сочинение «Книга справедливости».

Ибн Сина сочинял свои труды не в кабинетной тиши, не в условиях обеспеченной и спокойной жизни, а в бесконечных скитаниях, тревогах и смуте феодальных междоусобиц. Он испытал все крайности переменчивой судьбы: был видным государственным деятелем и советником крупнейших правителей, а порой кормился только врачеванием... Преследуемый до конца жизни врагами и завистниками, Ибн Сина то пешком, то верхом скитался по различным городам Средней Азии и Ирака. Он не знал ни покоя, ни семьи, и с подорванным здоровьем нашел смерть в пути – в возрасте 57 лет.

⁷ Герой повести встречается с простым и добрым, вечно бодрствующим стариком, и тот рассказывает ему о своей жизни, странствиях и о том, как ему удалось познать окружающий мир. Добрая душа старика проникает всюду – опускается в ад и поднимается до горних высот. Книгой этой будут потом зачитываться многие люди, а литературоведы считают, что и Данте творил свою «Божественную комедию» под влиянием произведения Ибн Сины.

Мануха – царь монов

В 1057 году при дворе Анируды – правителя Паганского царства – появился буддийский монах по имени Шин Арахан из царства монов, который и склонил царя к переходу в буддизм толка Теравада – так называемый чистый буддизм. До этого в Паганском царстве процветали ари – проповедники жестокого культа, которые, как повествуют бирманские хроники, угнетали народ, пьянствовали и развратничали. Склоненный к чистому буддизму, царь Анируда «исполнился благочестия и мудрости, отверг ересь ари и последовал по стопам Шин Арахана». Он решил призвать из Татона (царства монов) и других монахов, с помощью которых и изгнал нечестивых ари из своего государства. А потом Анируда по совету все того же Шин Арахана обратился к Манухе – царю Татона – с просьбой передать ему часть имевшихся у него священных буддийских текстов. Царь монов отказал Анируде, причем сделал это в очень резкой и грубой форме. И тогда оскорбленный правитель Паганского царства собрал огромную армию и отправился в поход против царя монов. Со своими славными воинами он захватил Татон, покорил другие города монов, обратил часть покоренного населения в рабов, взял в плен царя Мануху и вернулся в Паган. С собой Анируда привел также несколько тысяч пленных и богатые трофеи: в их числе были 23 слона, которые несли на своих бивнях драгоценные рукописи.

Так повествует бирманская «Большая великая государева хроника Стеклянного дворца», хотя современные ученые считают, что версии рассказанных в ней событий не всегда соответствуют действительности. Например, другие хроники рассказывают, что перед Анирудой стояла задача захватить важнейшие торговые пути – реку Иравади и южное побережье Бирмы, где тогда соперничали города Татон и Пегу. Таким образом, в поход правитель Паганского царства отправился не за рукописями, а захватить их ему помог случай.

Храмовый комплекс Пьятонзу в Пагане

Захват Татона и покорение монских южных городов позволили Анируде начать в своем царстве широкое строительство. Со всех концов государства он привез в Паган искусных

мастеров – строителей, художников и ученых, которые работали над тем, чтобы его столица красотой превзошла все другие города. В царствование Анируды были написаны первые фрески, появляется бирманская письменность, складывается единый бирманский язык и зарождается национальная литература. Искусные мастера сооружают первые пагоды, остатки которых и по сей день поражают воображение всех, кто их видел.

После правления Анируды каждый новый царь старался возвеличить свое имя и строил большой храм и несколько малых. От царей старались не отставать вельможи, министры, полководцы и просто богатые люди, и со временем Паган стал одним из крупнейших культурных центров Азии. По берегам реки Иравади раскинулось множество пагод, считается, что в городе их было 5000. Тридцать километров пагод! Бирманцы утверждают, что некогда их было 30 000, но климат, землетрясения и частые набеги иноземцев разрушили многие из них.

Наиболее известными из культовых сооружений Пагана являются пагода Швезигон и храм Ананда, возведенный в конце XI века. А на другом конце города стоит храм Манухи. Захваченному в плен царю монов Анируда оставил его придворных и часть сокровищ, и Мануха стал хоть почетным, но все-таки узником, лишенным трона, родины, свободы и будущего. Хроники повествуют, что плененный царь монов продал свой царский рубин и на вырученные деньги построил храм. И другого такого храма в Пагане нет! Здание храма Манухи лишено каких-либо украшений, да строитель и не задавался целью сделать его красивым. Оно представляет собой три куба: побольше – в центре, поменьше – с боков. Когдаходишь в него через небольшую дверь, ожидаешь оказаться в квадратном помещении, соответствующем очертанию его стен. Но вашим глазам предстает зрелище необыкновенное, почти невероятное...

Зал храма действительно квадратный, но все его пространство занимает статуя сидящего Будды: голова его упирается в потолок, локти и колени – в стены... Десятиметровому широкоплечему Будде очень тесно в этом зале, его давят стены, и кажется, он вот-вот не выдержит и, чуть двинув плечами, разрушит свою страшную тюрьму. Пройти в соседний зал можно, лишь с трудом протиснувшись в щель между стеной и пальцами руки Будды, лежащей на колене. Плененный царь Мануха, наверное, специально построил такой храм, чтобы в стиснутом со всех сторон Будде видели его – царя-узника. Реальное ощущение неволи, неудобства и мучений, которое охватывает посетителей при взгляде на задавленного стенами и потолком великана, сразу вызывает в памяти образ потерявшего свободу царя.

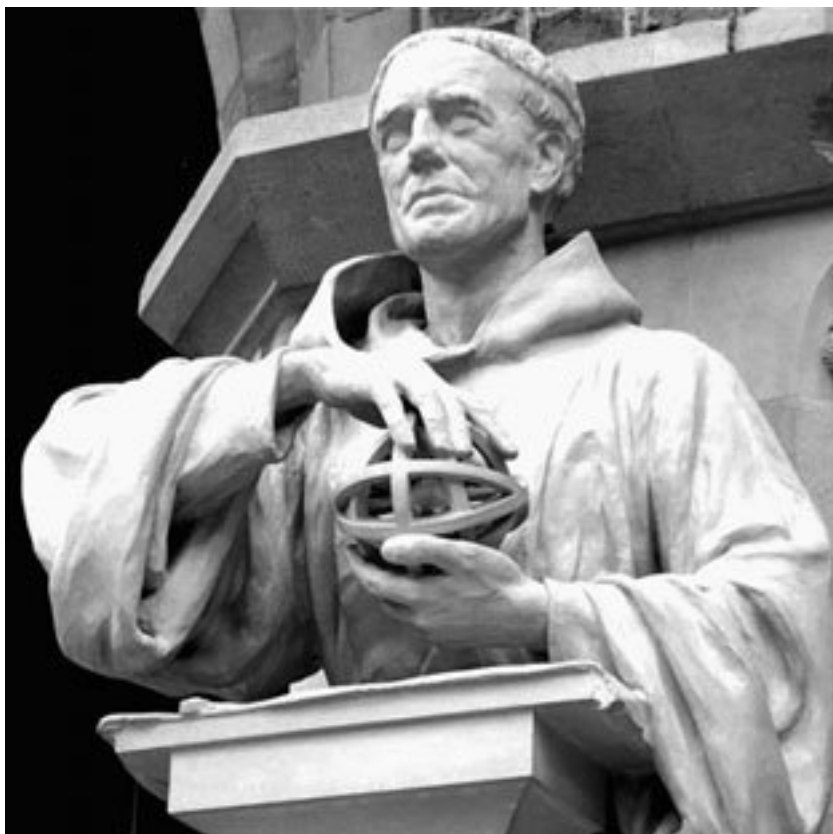
В боковых залах храма – то же самое. В них тоже стоят статуи, и им тоже тесно, так как стены плотно прижались к их спинам, локтям и коленям – никогда не выпрямить им ног и рук. А когда посетитель обходит весь храм, его ожидает еще одна встреча. Вдоль всех трех залов тянется четвертый – длинный и низкий. Будда, заточенный в нем, лежит – он достиг нирваны (блаженного покоя). Но слова «блаженство» и «покой» звучат в этом случае как-то иронично, ведь Будда лежит в тесном гробу, и крышка гроба находится всего в нескольких сантиметрах от его головы...

Через 250 лет, в конце XIII века, под ударами монгольских войск Паганское царство распалось, и жители покинули город. Сгнили и рассыпались его деревянные дворцы, густой травой и кактусами заросли улицы, высохли пруды и водоемы. Только храмы и пагоды, число которых достигает в Пагане нескольких тысяч, стоят до сих пор...

Удивления достойный

Многое в судьбе английского философа, монаха-францисканца Роджера Бэкона таинственно и загадочно. Неизвестны в точности даже годы его рождения и смерти, и достоверные сведения о нем ученые черпают лишь из того, что он сам написал о себе. Однако точно известно, что с детства он отличался незаурядными способностями, усердно занимался богословием, ни в чем предосудительном не был замечен, считался знатоком церковных вероучений и богословских писаний. Орден францисканцев отправил его в Парижский университет – шумный и многолюдный, куда съезжались учиться со всего света. Гордостью университета был богословский факультет, на который и поступил Р. Бэкон.

В университете он не пропускал ни одной лекции, посещал все ученые диспуты, в свободное время изучал труды древних философов и современных теологов. Однако вскоре генералу ордена францисканцев стали доносить и о том, что порой брат Роджер произносит такие речи, которые можно услышать только из уст самых дерзких еретиков и вольнодумцев. Диспуты ученых богословов он, например, не раз называл словоблудием и ложным мудрствованием, речи духовных отцов – словесной шелухой, в которой нет никакого смысла. За столь дерзкие речи послушника следовало бы призвать к ответу, но пока генерал Д.Ф. Бонавентура не стал прибегать к крайним мерам, надеясь, что вольные взгляды монаха с годами выветрятся из его головы.

Памятник Роджеру Бэкону

Чтобы стать доктором богословия и получить право преподавать во всех университетах, Р. Бэкон должен был выдержать диспут, который продолжался двенадцать часов – с утра до вечера. Он давно уже владел искусством логики, держал в памяти сотни цитат и теперь во всем блеске готовился показать себя. Истекал последний час, доктора и бакалавры сме-

няли друг друга каждые полчаса, а ему нельзя было выпить даже глоток воды. Но он разбивал вдребезги все аргументы прославленных богословов, повергая их в изумление, и потому его называли «удивления достойным».

Вернувшись из Парижа, брат Роджер не внял увещаниям генерала ордена, и вскоре о нем стали распространяться слухи, в которых не последнюю роль играла монастырская башня. Будто по ночам монах-чернокнижник занимается в ней колдовством, вызывает дьявола и ведет с ним беседы. Другие шептались, что Р. Бэкон варит в своих ретортах золото, в чем ему, конечно же, помогает сатана. Третьи заявляли, что золото тут ни при чем, и в монастырской башне монах готовит зелье, чтобы опаивать им доверчивых людей. Слухи эти расползались по всему Оксфорду, и суеверные горожане стали с опаской поглядывать на францисканский монастырь и обходить его стороной, чтобы не навлечь на себя беды.

Р. Бэкон пытался оправдаться, что не занимается в башне ничем предосудительным: он только проводит опыты и занимается алхимией, но ведь это не богопротивное дело. Однако Д.Ф. Бонавентура ничего не хотел слушать и был тверд в своем решении: монаха следует наказывать. В 1257 году Р. Бэкона вызвали в Париж, и он обрадовался, думая, что на суде ему дадут возможность защищаться, а уж тогда он докажет свою правоту. Но его не собирались судить, ведь орден был призван не судить, а исправлять прегрешения, и Р. Бэкона заточили в каморку – темную, как могила: пять шагов в длину и три в ширину. Низкий потолок над головой, под ногами – глиняный пол, холодно, тесно, темно... От утра до утра проходила вечность, а за стенами темницы вставало и заходило солнце, пели птицы, проплывали облака, на ночном небе появлялись созвездия. Шли дожди, потом снега, потом снова дожди... Р. Бэкон ощупывал свое лицо: больше становилось морщин на лбу, резче обозначились складки у губ, шершавела кожа...

Покаяние длилось уже четыре года, а потом ему разрешили иметь книги, но под строгим надзором, и дали пергамент. И Р. Бэкон стал скупно, убористо исписывать листы, которые потом несли на проверку и выскабливали с них все, что находили сомнительным. Зато после этого Р. Бэкон мог давать их другим братьям. В заточении он написал свои размышления о семи ступенях, ведущих к познанию истины, и несколько трактатов: «Похвала математике», «Перспектива», «О радуге», «О врачебных ошибках»... И хотя каждый лист пергамента был на счету, ему удавалось утаить наброски, которые он делал для своего будущего труда о всеобщей науке.

В заточении Р. Бэкон написал и свое главное сочинение – «Большой труд», а под ним крупными буквами приписал: «УВЕЩЕВАНИЕ». Да, это будет именно увещание – руководство, содержащее главные человеческие знания и указывающее путь к постепенному преобразованию всех основ. Справедливый папа Климент IV может очистить мир и церковь, нужно только знать пути к Истине, а их откроет наука. Основой основ в познании мира Р. Бэкон считал опыт: «Без опыта ничего нельзя познать с уверенностью. Опытная наука необходима исследователю, подобно тому, как корабельному плотнику необходимо знать искусство судовождения, чтобы построенные им корабли могли плавать, а оружейнику – владеть оружием, чтобы выкованные им мечи годились в дело и стрелы попадали в цель... Опыт позволяет отделить истинное от ложного во всех науках. От небрежения опытом проистекают чудовищные заблуждения».

В своем сочинении ученый-философ рассуждал также о математике и грамматике, географии и гидрографии; любопытны его суждения о музыке, климате Земли, медицине... Не случайно «Большой труд» Р. Бэкона называли энциклопедией того времени. Последняя часть «Большого труда» – «Моральная философия», где Р. Бэкон утверждал: «Во всем, что касается морали, христиане упали в сравнении с древними. Мы погрязаем в бездне пороков, и одна только милость Божья может нас спасти». Если папа своей властью поможет развитию наук, то многое будет достигнуто не только в изучении природы, но и в делах нравственности, ибо под благородным влиянием знаний люди переменяются к лучшему. Пока переписчики переносили

сочинения Р. Бэкона на вылощенный пергамент и срисовывали многочисленные чертежи, он написал «Малый труд», в котором разобрал ошибки в переводах Библии, рассказал об алхимических опытах, о происхождении вещей из элементов и многом другом. А потом еще создал и «Третий труд», в котором изложил краткое содержание двух первых – на тот случай, если папа Климент IV не сможет сразу прочесть все. Свои сочинения Р. Бэкон отправил в Рим и стал ждать ответа и избавления.

Утвердясь на престоле, папа смог наконец-то вступить за ученого, повелел освободить его и впредь ни в чем не притеснять. Р. Бэкон решил вернуться в Англию, но папа забыл прислать ему денег на дорогу, и весь путь 300 миль монах прошел пешком, питаясь подаянием и ночуя там, где застанет ночь: в городах, на сельских подворьях, в крестьянских хижинах, а то и просто в лесу... В 1267 году брат Роджер вернулся в Англию, добрался до Оксфорда и направился в монастырь. Он шел по узким улочкам, радуясь встрече с городом, где провел лучшую часть своей жизни. Никто не обращал на него внимания – мало ли монахов бродит по Оксфорду! А имя Р. Бэкона, некогда возмущившего спокойствие горожан, за 10 лет его отсутствия стерлось из их памяти.

В Англии к нему был приставлен брат Бернар, да и другие не оставляли философа в покое. И все же он начал новый труд – «Руководство к изучению философии», в котором снова писал о пользе знания и необходимости изучать мудрость древних и развивать науки. Но хотел сказать и о другом – о корыстолюбии многих духовных пастырей, общем невежестве, падении нищенствующих орденов и т. д. И предупреждал, что долготерпение Божие скоро иссякнет и страшен будет гнев Его, обличал прелатов и самого римского папу.

Через год после возвращения на Р. Бэкона снова посыпались доносы: жизнь ничему не научила этого монаха, он снова занялся физическими опытами и алхимией, снова день и ночь проводит в монастырской башне. Но это было еще не самым страшным его преступлением! В своих сочинениях он говорит о независимости науки от религии и – о, ужас! – подвергает критике святую церковь, обвиняет ее в невежестве и в том, что она препятствует развитию научных знаний.

Сочинения Р. Бэкона читали и переписывали, и многие видели в нем обреченного. Да и сам он мог наверняка предсказать свою судьбу, даже не обращаясь к гороскопу. Преследования не прекращались, и в 1278 году философа снова вызвали в Париж, найдя в его трудах 180 еретических утверждений. «Чтобы никто из братьев не имел с ним словесного общения и не читал его трудов», Р. Бэкона приговорили к заточению в одиночный склеп. Философа замуровали в толще каменных стен, и тяжелая дубовая дверь, наглухо закрывая вход, слилась с этими стенами. По утрам скрежетал засов, в приоткрывшуюся дверь просовывалась рука с хлебом и ковшом воды, и снова каждый день был похож на вечность...

Прежняя темница уже казалась Р. Бэкону просторной, как мир; здесь же не было окон и даже не отыщешь щели, к которой можно было бы прильнуть глазом, не услышишь колокольного звона и даже шума шагов. Мир для него перестал существовать: нет солнца, звезд и облаков, нет дождей и снега – только темнота ночью и днем... Низко нависал потолок, с которого редко капали унылые капли, земляной пол леденил босые ноги, ложем Р. Бэкону служили голые доски, настланные на козлы.

Смерть не страшила Р. Бэкона, страшили бесплодно прожитые годы: он ложился на каменный пол, и тяжесть наваливалась на грудь. Он лежал в пещере, придавленной камнем, и был обречен остаться в ней навсегда. Иногда вскакивал и кричал, но стена проглатывала все крики. Он боялся потерять рассудок и стал призывать на помощь память: она не умерла и заменила ему не только книги, но и чистый пергамент. И он записал в памяти: «Добро само по себе благо, зло само по себе наказание. Это едва ли справедливо, но все-таки утешительно». А потом ходил из угла в угол, торопя время, ведь если есть движение, есть и время, потому что оно измеряется движением. Но гремел засов, вечность кончалась и начиналась новая веч-

ность. Давно потерял счет годам, тысячи раз гремел засов, приотворялась дверь, а потом снова сливалась с каменными стенами. И Р. Бэкон думал: «Мне не выйти отсюда никогда».

Но в один день он вышел и, как вином, захлебнулся свежим воздухом. Заточение длилось 14 лет, и в 1292 году Р. Бэкон вернулся в Оксфорд дряхлым стариком: поникла его голова, опустились плечи, угасло и подернулось усталостью лицо. Только глаза оставались теми же – блестящими и прозрачными, как вода. Немели руки, все чаще ему не хватало воздуха, боль в груди неделями не давала вставать с постели. Но когда боль стихала, он садился за новую работу – «Руководство к изучению богословия».

Великий Тимур и его великий пленник

Великий полководец Тимур много воевал. Уходя в дальние походы на завоевание новых земель, грозный повелитель приводил оттуда искусных мастеров и ремесленников, каменщиков и золотых дел мастеров, ткачей и оружейников, каких только мог найти. Не жалея никаких материальных средств и не щадя людских сил, он стремился перестроить столицу своей огромной империи – город Самарканд, чтобы тот затмил красотой и великолепием самые прославленные столицы мира.

Победоносно закончив один поход и захватив много добычи, «железный хромец», как называли Тимура, начинал готовиться к следующему. В 1398 году он предпринял поход в далекую Индию, ограбил страну и безжалостно истребил 100 000 пленных индийцев только за то, что они, как ему сообщили, рассчитывали во время битвы с султаном Махмудом Дехлевийским помочь последнему восстанием в тылу тимурова войска. Но однажды и сам великий Тимур был взят в плен туркменским амиром Али-беком Джаны-Курбаном, о чем полководец сам сообщает в своей «Автобиографии»: «До туркменского амира дошли сведения, будто бы я пришел в его землю и остановился в местности Махмуди. По его распоряжению отряд туркменов напал на нас ночью: они перевязали нас и в таком виде доставили нас к Али-беку Джаны-Курбаны. Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительно долгих дней.

Мавзолей Гур-эмир

Сидя в тюрьме, я твердо решил и дал обещание Богу, что никогда не позволю себе посадить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела. Во время этой горести я рассудил, что мне лучше посредством какого-нибудь безумного поступка освободиться из тюрьмы и вступить в сражение; если я достигну цели, то этим будет исполнено мое желание. Если же попытка моя освободиться не увенчается успехом, то меня в таком случае... убьют и, хотя мертвый, я

буду погребен вне стен моего заключения, значит... попытаться следует, чтобы так или иначе выбраться из ненавистой темницы на свет Божий.

Обещанием щедрой награды за содействие к побегу мне удалось склонить на свою сторону нескольких тюремщиков, которые снабдили меня и мечом. С этим оружием в руках я бросился на тех сторожей, которые не согласились освободить меня, и обратил их в бегство. Я слышал кругом себя крики: «бежал, бежал», и мне стало стыдно за мой поступок. Я тотчас отправился к Али-беку Джаны-Курбаны, и тот, узнав, какие препятствия мне пришлось преодолеть, чтобы освободиться из тюрьмы, почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен.

Как раз в это время Али-бек Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата... который писал ему: «Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром и нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые подарки, прошу тебя передать их; затем советую тебе, чтобы хотя отчасти загладить твою вину, проси у Тимура прощения, посади его на свою лучшую лошадь и отпусти его». Али-бек исполнил в точности все, что было написано в письме его брата... и, благодаря этому, я вскоре выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и отправился в Хорезмскую степь».

В 1400 году Тимур выступает уже на удаленном от Средней Азии западе и ведет войну с турецким султаном Баязетом и египетским султаном Фараджей. Тогда великий полководец захватил многие города Малой Азии и Сирии (в частности, Сивас и Алеппо) и в марте 1402 года прибыл в пограничный с Грузией город Шенка, откуда отправил турецкому султану посольство с требованием вернуть захваченную им крепость Кемах. Баязет отказался, и 20 июля на равнине Чибукбад состоялось решающее сражение двух армий. С обеих сторон действовали многочисленные силы, о чем сказано в «Уложении» Тимура:

По свидетельству И. Шильтбергера, оба войска встретились близ Ангоры (ныне Анкара), и в пылу сражения 30 000 татар, поставленных Баязетом в первом ряду боевого строя, перешли к Тамерлану. Тем не менее сражение, возобновляемое два раза, оставалось нерешенным, пока Тамерлан не приказал выдвинуть вперед 32 вооруженных слона и тем самым заставить бежать Баязета с поля битвы. Турецкий султан надеялся найти спасение за горами, куда он поскакал со своей свитой из 1000 всадников, но Тимур, приказав окружить эту местность, принудил Баязета сдаться и взял его в плен.

Утомленный ратными трудами, Тимур отдыхал в своей палатке, когда к нему привели турецкого султана, связанного по рукам и ногам. При неожиданном появлении Баязета взволнованный победитель не мог удержаться от слез. Он пошел навстречу пленнику и, приказав освободить его от оков, ввел султана в приемную залу. Посадив пленника около себя, Тимур сказал: «Баязет! Обвиняйте самого себя за свои несчастья: это – шипы того дерева, которое вы посадили. Я просил у вас только легкого удовлетворения, а ваш отказ заставил меня поступить с вами, как я того не желал. Я не только не хотел вредить вам, но я намеревался помочь вам в ваших войнах против неверных... Увы! Если бы успех был на вашей стороне, то я не знаю, как бы вы поступили со мной и с моей армией. Тем не менее будьте покойны: вам нечего бояться. Спасением вашей жизни я хочу возблагодарить небо за свою победу».

После этих слов Тимур будто бы приказал поставить для Баязета палатку рядом со своей и оказывать пленнику все почести, которые оказываются несчастным. Шерифиддин Али, который следовал за великим полководцем в его походе, сообщает, что победитель отнесся к Баязету с полным вниманием, обращался с ним как с равным и всеми силами старался заставить того забыть о своей печальной судьбе. Однако это повествование не согласуется с тем, что пишут о великом полководце греческие, турецкие и другие авторы. В день, когда турецкий султан был взят в плен, Тимур будто бы приказал привести его к себе, долго рассматривал его лицо, а потом начал смеяться. Полный негодования Баязет гордо сказал: «Не насмехайся,

Тимур, над моим несчастьем. Знай, что царства и империи раздает Бог, и завтра с тобой может случиться то, что со мной случилось сегодня».

На это Тимур глубокомысленно и вежливо ответил: «Я знаю не хуже тебя, Баязет, что Бог раздает царства и империи. Я не насмехаюсь над твоей несчастной судьбой, избави меня от этого Бог. Но когда я рассматривал твое лицо, мне пришла в голову мысль, что эти царства и империи должны быть перед Богом, а может, сами по себе, вещами очень незначительными, так как Бог раздает их людям, столь плохо сложенным, как мы с тобой: несчастному слепому на один глаз, как ты, и жалкому хромоту, как я».

По некоторым сведениям, Тимур не только не освободил Баязета, но наоборот, приказал заковать его в столь тяжелые цепи, что тот с трудом мог носить их. И даже посадил пленника в железную клетку – такую низкую, что она служила Тимуру подножкой, когда он садился на коня. Заставлял он присутствовать Баязета и на распутных пиршествах, где пленник видел своих несчастных жен и дочерей, в полунагом виде прислуживающих за столом.

Тимур пробыл в государстве Баязета восемь месяцев и вывез из его столицы все сокровища и столько серебра и золота, что для перевозки их потребовалась 1000 верблюдов. Он везде возил с собой пленника в железной клетке и даже хотел увести его в собственную страну, но по дороге 9 марта 1403 года султан Баязет скончался...

Ян Гус

Счастливым периодом в истории Чехии, которая в Средние века не раз теряла независимость, было время правления короля Карла IV (1347–1378), прозванного в истории «отцом Чехии и отчимом Германии». Он заботился об усилении и процветании чешского королевства, учредил в Праге университет, а также основал Эммаусский монастырь, в котором богослужения должны были совершаться на славянском языке, понятном народу. В Праге организовалась христианская община, которая нуждалась в особом месте для отправления своих религиозных служб. Таким местом стала Вифлеемская часовня, которую в 1394 году выстроил богатый купец Кржиж вместе с любимцем и советником короля Яном фон Мюльгеймом – одним из предшественников Яна Гуса. Часовня стала своего рода центром оппозиции против папы и церкви, и в ней впервые раздалось обличительное слово Я. Гуса, всю жизнь свою отдавшего идее религиозного, национального и культурного освобождения Чехии.

Сожжение Гуса. Миниатюра из хроники Шницера

Образование свое Ян Гус завершил в Пражском университете, в котором впоследствии занял должность ректора. Одновременно со службой в университете Я. Гус был проповедником в Вифлеемской часовне и духовником королевы Софии. Его проповеди на родном языке всегда привлекали много народа: по словам одного из историков, он «обращался преимущественно к здравому, неиспорченному рассудку своих слушателей, поучал их, возбуждал в них новые думы; он взывал к чистому, неоскверненному сердцу чешского народа и своими наставлениями побуждал его к добрым делам». Всю свою душу вкладывал Я. Гус в проповеди и все, что понимал и чувствовал сам, старался передать народу. И как слушали его чехи! Он растолковывал простому народу, как надо понимать Священное Писание: что любить Бога – это исполнять Его волю, а воля Бога состоит в том, чтобы люди любили друг друга и были братьями... Богу угодны добрые дела, поэтому нужно отбросить вражду и злобу и жить по правде, не прельщаясь богатствами и почестями...

Но вскоре Я. Гус начал обличать и духовенство. Он говорил, что великий грех – обижать слабых и беззащитных; но еще больший грех – когда это делают священники, которые должны своей жизнью подавать пример, а между тем среди них есть «величайшие враги слова Божьего». Конечно, такими проповедями Я. Гус нажил себе много врагов, чем сразу воспользовались его недруги. Они стали подавать на него жалобы, например, что он старается настроить народ против священников и т. д. Никакой вины по этим наветам за Я. Гусом не нашлось, и архиепископ Праги оправдал его, но все же лишил должности синодального проповедника.

Я. Гус, пользуясь поддержкой верховной власти, продолжал свои обличительные проповеди. Особенно горячо выступал он против индульгенций, которые продавались по случаю объявления папой крестового похода против неаполитанского короля, стремившегося к политическому объединению Италии. На публичном диспуте в Пражском университете индульгенции были осуждены, папские буллы объявлены не имеющими силы, как противные Священному Писанию, а сам папа провозглашался антихристом.

Германский император Сигизмунд, который тогда жил в Козьем городке, уговорил папу Иоанна XXIII созвать всеобщий церковный собор в Констанце. Я. Гус обрадовался приглашению на Собор: «Вот теперь-то перед всем Собором я расскажу, чему я учу, и все поймут, что учу я тому же, чему учил Христос с апостолами». Но стали отговаривать его от поездки, и впоследствии оказались правы. Приглашая Я. Гуса на Собор и даже дав ему «охранную грамоту», император лишь хотел завлечь его в западню. Перед отъездом Я. Гус, будто предчувствуя свою скорую кончину, обратился ко всем чехам с душевным прощальным посланием, в котором просил молиться за него и выражал надежду на свидание – если не в Праге, то в загробной жизни. По дороге на встречу со своим проповедником выходили толпы народа, но и враги не дремали. Они заранее собрали против Я. Гуса большой обвинительный материал и привезли с собой в Констанц много свидетелей.

Некоторое время Я. Гус пользовался в Констанце относительной свободой, на первых порах папа даже обещал взять его под свою защиту. Ученый все дни просиживал дома, готовясь к своему выступлению, и думал не о том, как будет защищаться, а о том, как бы заставить Собор признать его правду. Чтобы все католическое духовенство увидело свои грехи и захотело бы исправить и очистить себя. Однако вскоре римский папа, чувствуя собственное непрочное положение, отказался от своих слов и даже содействовал аресту Я. Гуса. Великий проповедник был заключен в сырое и мрачное подземелье доминиканского монастыря. Рядом с тюрьмой находилась яма, куда стекались нечистоты; зловонный воздух поднимался от нее и шел прямо в камеру, и от сырости и вредного воздуха Я. Гус заболел.

В этой тюрьме Я. Гус чуть не умер, но враги не хотели его преждевременной смерти и добились перевода в другую камеру, где воздух был здоровее. Он начал понемногу поправляться, хотя оставался еще таким слабым, что с трудом говорил. Но и тогда папа прислал к нему трех епископов, чтобы те допросили его. Епископы привели с собой 15 свидетелей, кото-

рые показывали против Я. Гуса; он просил, чтобы ему позволили выбрать защитника, на что ему отвечали, что у еретика не может быть никаких защитников. Ему даже не позволили ни о чем спросить «свидетелей».

Вскоре после допроса Я. Гусу прислали бумагу, в которой против него выставили обвинительные статьи и указали 44 места из его сочинений, где он проповедует ересь. И хотя Я. Гус был еще очень слаб и писал с трудом, на обвинения он ответил очень обстоятельно. Монастырская тюрьма была не единственным местом заключения Я. Гуса: из нее его перевели в темницу замка Готлебен. В монастыре вся стража и все служители уже привыкли к своему узнику, полюбили его и очень удивлялись, что тот, кого преследуют как богоотступника, скорее похож на святого человека. Ему позволяли писать письма и передавали их его друзьям (как и ему от них); разрешали даже видаться с теми, кто приезжал в Констанц... В новой тюрьме все было иначе. В замке Я. Гуса посадили в камеру, которая имела четыре неполных шага в длину и менее двух шагов в ширину, а единственной мебелью были два неотесанных бревна. Ноги узника заковали в цепи, которые никогда не снимали, а ночью и руки цепями приковывали к стене. Пищу давали очень плохую, а порой и вовсе морили голодом, запретили переписываться с друзьями, а книг и вовсе не давали. И Я. Гус опять начал хворать...

Друзья просили императора Сигизмунда хотя бы на время выпустить узника из тюрьмы, чтобы он мог оправиться от болезни. Они давали поручительство, что он не будет делать ничего против воли Собора, но все их усилия были напрасны. А между тем Я. Гус и в новой тюрьме подружился с некоторыми стражниками, которые стали потихоньку передавать его послания друзьям.

На заседании Собора среди многих обвинений, предъявленных Я. Гусу, главным было то, что он совершал причащение под двумя видами – не только для духовных лиц, но и для мирян. Обвинялся он и в отрицании папского авторитета, булл великого понтифика, удалении из Праги немецких студентов, оскорблении духовенства и т. д. Допросы проводились с такой грубостью и клеветой, что стало ясно: дело клонилось к полному осуждению обвиняемого. Чувствовал приближение кончины и сам Я. Гус, но сохранял полное спокойствие и самообладание, хотя горько ему было, что не увидит он больше родной Чехии и друзей. Горько было думать, что церковь католическая остается неочищенной от грехов... Из темницы он написал четыре прощальных послания, ставшие его предсмертным завещанием.

23 июня 1415 года в кафедральном храме Констанца в присутствии императора состоялось последнее заседание Собора. Когда Я. Гуса стали обвинять в ереси, он хотел было оправдаться, но ему велели замолчать. Тогда он упал на колени и, подняв глаза к небу, стал молиться. Но когда стали зачитывать новые обвинения (например, будто бы он выдавал себя за четвертое лицо Троицы), он не выдержал и стал громко протестовать против этой нелепости. Но судьи вынесли приговор: сочинения Я. Гуса сжечь, а его самого, как нераскаявшегося и неисправимого еретика, лишить сана и передать в руки светской власти.

После оглашения приговора Я. Гуса возвели на помост, надели на него полное облачение, дали в руки чашу и еще раз предложили отречься от своего учения. Он отказался, и тогда начался обряд расстрижения: у него взяли из рук чашу, поочередно сняли все священнические одежды и уничтожили тонзуру на голове, произнося при этом соответствующие проклятия. Сам Я. Гус во время этого обряда молился за своих врагов и лжесвидетелей и выражал готовность претерпеть все поношения. По окончании церемонии на голову его надели высокий остроконечный бумажный колпак с изображениями чертей, терзающих грешную душу; потом по приказу императора его передали городскому магистрату для немедленного сожжения.

Около 1000 стражников с оружием в руках окружили Я. Гуса и из собора повели к заранее приготовленному месту за городом. Много народу шло за ними, и когда по дороге приходилось останавливаться, он начинал говорить, что осудили его несправедливо. Был уже вечер, заходило солнце, и косые лучи его отражались на блестящих касках военных и раззолоченных

митрах епископов. Посреди поля возвышался костер: палач раздел Я. Гуса до пояса, просмоленной веревкой его привязали за ноги и за шею к столбу. Потом его обложили дровами и соломой по самую шею... В это самое время прискакал королевский гонец и снова стал уговаривать Я. Гуса отречься от своего учения, но он ответил: «Все, что я написал и чему учил, я с радостью запечатлеваю своей кровью. Единственной целью моей проповеди было спасти людей от грехов и заблуждений». И тогда был отдан приказ зажечь костер. Когда пламя поднялось, великий праведник громко запел: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного!» Ни один вздох не вылетел из груди его, нигде не обнаружил он ни единого признака слабости и до последней минуты своей возносил молитву Творцу.

Муки Я. Гуса продолжались недолго: ветер кинул пламя прямо ему в лицо, и он задохнулся... Очевидцы сообщили потом еще несколько подробностей. Когда догорели дрова, открылась верхняя часть тела Я. Гуса, еще не совсем сгоревшая. Палачи повалили ее вместе со столбом, разрубили голову на куски и подложили под них новый огонь. Сердце Я. Гуса нашлось невредимым, и палачи бичевали его палками, а потом наткнули на острую трость и изжарили. Они хотели воспользоваться и платьем покойного, но курфюрст велел им бросить его в огонь.

Когда тело Я. Гуса сгорело дотла, стражники и палачи собрали остатки костра, положили их на телегу и вместе с золой и пеплом сбросили в Рейн, чтобы верные ученики не взяли их для поклонения. Но чехи сгребли священную для них землю, напоенную кровью мученика, и с благоговением отвезли в Прагу – в Вифлеемскую часовню.

Бальтасар Косса – пират, студент, римский папа

Бальтасар Косса, вошедший в анналы истории под именем антипапы Иоанна XXIII, происходил из древнего и далеко не бедного рода. Владения его отца располагались на острове Искья, расположенном у входа в Неаполитанский залив. Старший из братьев, Гаспар, первым вступил на путь «джентльменов удачи», и удача ему сопутствовала почти всегда. Потом на путь пиратства вступили и другие братья, а Гаспар со временем стал командовать большой пиратской флотилией и называться «адмиралом».

Бальтасар был крепок не по летам, поэтому уже с 13 лет начал участвовать в операциях старшего брата, на кораблях которого с упоением прошел «высшую школу» пиратства. Родители занятия сыновей не считали чем-то предосудительным, ведь оно было таким доходным. Только когда от них подолгу не было вестей, сердце госпожи Косса замирало от страха, так как она прекрасно понимала, что ждет «ее милых мальчиков», если счастье изменит им. Она не хотела увидеть на виселице ни одного из четырех своих отпрысков и потому решила спасти хотя бы одного из них, направив его на более безопасный путь. В один из приездов Бальтасара в родной дом рассудительная матушка провела с сыном несколько душевспасительных бесед. И так как она была очень красноречива, то в скором времени он отправился в университет Болоньи и поступил на теологический факультет.

Избрание папы Иоанна XXIII. Миниатюра XIV в.

Бальтасар, которому было тогда 20 лет, сразу же окунулся в разгульную жизнь студенчества и стал вожаком школяров Болоньи. Он был богат, к тому же из дома непрерывно поступали деньги на его «ученье», и Бальтасар часто устраивал дружеские пирушки, не считаясь ни с какими расходами. Среди его шумных походов не последнее место занимали и любовные приключения, в которых он тоже был первым.

Избалованный многочисленными победами, он стал домогаться взаимности знатной девушки Яндры делла Скала, тайно поселившейся в Болонье, спасаясь от преследований инквизиции. Однако убежище ее все же было обнаружено, и так как ее обвиняли в чародействе, то вскоре и арестовали. Вместе с нею арестовали и Бальтасара Коссу, но это вызвало возмущение в городе. Ведь он был братом могущественного «адмирала» Гаспара, подданного Неаполя, что сильно осложняло суд над школяром. И инквизиция решила несколько «отступить», объявив самого Б. Коссу не колдуном, а лишь совращенным колдуньей Яндрой и поддавшимся ее колдовским чарам.

Арестованных поместили в тюремные камеры при дворе подеста, и после первого же допроса Бальтасар убедился, что им нечего надеяться на снисхождение. Даже если они покаются в грехах содеянных и несодеянных... Воспользовавшись стилетом, который ему тайно передали друзья, он завладел одеждой одного из стражников и ускользнул из темницы. На воле он связался с братом Гаспаром, и тот прибыл в Болонью с десятью дюжинами своих головорезов. Еще около сотни плечистых молодцов со свирепыми лицами предоставил некий кондотьер, а Бальтасар собрал самых отчаянных студентов. Февральским утром 1385 года дворец подесты был взят штурмом и прекрасная Яндра освобождена. Вскочив на заранее приготовленных лошадей, Бальтасар и девушка вместе с людьми Гаспара и несколькими школярами, не захотевшими расстаться со своим вожаком, умчались из города, который даже не успел еще окончательно проснуться.

Бальтасара потянуло к прежнему ремеслу, и несколько лет он занимался морским и сухопутным разбоем на территории от Туниса до Марокко и от испанских земель до Сицилии. Они грабили жителей городов и селений, богатые поместья Берберии, откуда ящиками выносили золотую посуду; из церковных ризниц забирали золотые и серебряные подносы, диски, чаши, расшитые золотые хоругви, серебряные ризы и золотые урны, реликварии с мощами святых... Бальтасара мало интересовало, под знаком креста или полумесяца шли попадавшие им навстречу корабли, ведь золото христиан и золото мусульман одинаково блестело на солнце. Но однажды он порвал с пиратством и из «грозы морей» превратился в слугу Божьего. Что заставило его сделать это? Настойчивые увещевания матери? Нежные просьбы Яндры, неотлучно находившейся при нем, или развитый инстинкт самосохранения? Однако и после принятия духовного сана Бальтасар не сделался смиренным... При нем в невиданных до тех пор масштабах развернулась торговля индульгенциями. Верховный понтифик занимался также ростовщицеством, торговал церковными должностями и, призывая других к праведности, сам вел чудовищно безнравственную жизнь, за что позднее его называли «рабом плоти».

Б. Косса воевал с неаполитанским королем, но в этой борьбе ему не повезло, и он вынужден был искать убежище во Флоренции. Встретили его там очень негостеприимно, и тогда он обратился к германскому императору Сигизмунду, даже согласился на созыв нового Собора и обещал подчиниться его решению. Констанцкий собор, открывшийся 5 ноября 1414 года, обернулся для Иоанна XXIII катастрофой. Члены Собора объявили, что власть Собора следует считать выше власти папы. Он пришел в ужас и отчаяние от этого решения и, опасаясь, что Собор для него превратится в трибунал, переоделся в одежду конюха и тайно бежал в город-крепость Шафхаузен, принадлежавший его покровителю – австрийскому герцогу Фердинанду. Б. Косса надеялся, что без него собор окажется недееспособным, и из крепости писал императору Сигизмунду: «Я снова свободен и независим от Вас, примкнувшего к моим злейшим врагам. Я чувствую себя здесь прекрасно. Но, несмотря на все, я не отказываюсь от своего обещания отречься от престола. Я сделаю это ради установления мира в церкви. Но я сам решу, когда это сделать».

Однако бегство поставило Иоанна XXIII в бесправное положение, отторгнув его от течения соборных дел. Сторонники Собора собрались вместе и выработали то знаменитое решение, по которому Собор осенен именем Духа Святого и потому бегство папы не может поме-

шать его работе. Остался тверд и император Сигизмунд, на которого бегство Иоанна XXIII не произвело никакого впечатления. Император спас Собор, предотвратив его роспуск, на котором настаивали некоторые кардиналы, и даже обещал заставить папу Иоанна XXIII вернуться. К нему отправили депутацию, но «повернувшись к послам, Косса демонстративно и цинично начал почесывать зад». Его сторону приняли некоторые кардиналы, и порой ему казалось, что он уже выиграл. Однако надежды его вскоре рассеялись: Собор отлучил Б. Коссу от церкви. И вскоре он, когда-то въезжавший в город как триумфатор на белом иноходце во главе торжественной процессии, был взят в плен, и его вернули в Констанц уже как обвиняемого.

Пока разбиралось дело, Б. Коссу заключили в тюрьму. Нашлось достаточное число врагов, сумевших публично уличить его в действиях, преступных для наместника Бога на земле. В здании Торговой палаты, где проходили заседания Собора, все оставалось прежним, как и до его бегства, – даже трон с возвышением не убрали. Только ему не позволили приблизиться к почетным местам кардиналов и богословов, говорить ему тоже не дали. Бывшего папу называли неисправимым грешником, интриганом, грубияном, безнравственным распутником, убийцей, нарушителем мира и единства церкви и т. д. Как писал Дитрих фон Ним, секретарь папской канцелярии, «Иоанна XXIII обвиняли во всех смертных грехах», и рассказы эти производили такое страшное впечатление на остальных членов Собора, что те препятствовали их дальнейшему распространению. А потом начался долгий процесс отрешения Иоанна XXIII от власти. Ему зачитали 54 пункта обвинения, пронесли мимо папскую мантию и тиару, затем на него надели и тут же сняли нижнее облачение, разломили папский герб и натрое поломали золотую папскую печать и золотое кольцо с печатью.

Окончательным приговором Иоанна XXIII заключили в Готлебенскую крепость в Торгау. Здесь его посадили в каменную нору с окном, забранным толстой кованой решеткой, разговаривать с ним никому не разрешалось. Казалось, все было кончено, и дни в тюрьме потянулись бесконечно. Приносили тюремную еду из несвежей свинины с бобами, ломоть хлеба и кувшин воды. Он ел и пил не споря, так как понимал, что силы ему еще понадобятся. Через некоторое время его повели к вонючему отхожему месту, и, проходя через тюремный двор, он оглядел высокие стены с потемневшими галереями из потемневшего, почти черного дуба. Бежать отсюда невозможно, да и куда?

Он сидел в одиночке, а для деятельного человека, всю жизнь находившегося в гуще и кипении событий, неволя и невозможность ни во что вмешиваться, молчаливые тюремщики и беззвучно текущее время действовали ужасающе. Порой Б. Коссу охватывало безумие, хотелось царапать ногтями этот склизкий камень или даже разбить голову о шершавые стены. Или броситься на охрану и убить одного из них, двоих... Но вдруг он понял, что уже не может проделать того, что легко проделывал в молодости: сила ушла из рук, и ему не одолеть дюжих немецких охранников, которые быстро скрутят его, сомнут, а потом прикуют цепью к тюремной стене. И завтра будет то же самое – бряцание железа, миска несвежей пищи, кислый черный хлеб, вода и снова одиночество. И так день за днем, лишь неслышно и невидимо будут сесть и редеть волосы, расшатываться и выпадать зубы, слепнуть глаза...

Однако из заточения Б. Косса выбрался, хотя среди ученых до сих пор нет единого мнения по вопросу о том, как ему это удалось. Официальная версия гласит, что ему повезло: «Людвиг Пфальцский рассорился с императором Сигизмундом и выпустил Коссу за 30 000 золотых флоринов». Есть версия и о тайном бегстве бывшего папы через Бургундию и Савойю, хотя по дороге его могли узнать. И тем не менее он прибыл во Флоренцию, пал к ногам нового папы Мартина V, уверяя его в полном своем раскаянии. Он был прощен и даже назначен председателем коллегии кардиналов, но пробыл на этом посту чуть более полугода и внезапно умер во Флоренции в конце декабря 1419 года.

Валашский господарь Влад III Цепеш

«Пожалуй, ни одна из фигур, которыми хвалятся наше прошлое, не была настолько идеализирована в фантазии народа и историков, насколько фигура Влада Цепеша. Кровавый ореол, окружающий это имя, сделал того, кто носил его, легендарным господарем и наделил его добродетелями, которыми он не отличался. В представлении народа он получил окраску господаря жестокого, но справедливого; поэты следовали народному представлению... а историки-патриоты сделали его великим национальным героем – гением, господарем, сражавшимся за независимость своего государства и водворявшим в нем порядок и справедливость». Так начинается свое повествование о Владе III Цепеше, вошедшем в историю под именем Дракула, румынский ученый И. Богдан. Эпоха, в которую жил этот валашский князь, – одна из самых темных в истории румынского княжества Валахия, хотя и не бедна историческими источниками. Многие румынские историки и литературоведы считают, что Влад Цепеш стал жертвой исторической несправедливости и с легкой руки английского романиста Б. Стокера был оклеветан во всем мире. В Румынии же к нему относятся с уважением, к которому примешивается и большая доля суеверного страха.

Влад III Цепеш (Дракула)

Почти все, что связано с именем Влада III Цепеша, окутано тайной, вплоть до места захоронения, так как его могилу в Снаговском монастыре многие считают кенотафом. Отец Влада Цепеша принадлежал к рыцарскому полувоенному-полумонашескому ордену Дракона, основанного германским императором. От отца имя Дракул перешло к трем его сыновьям, но в истории прославился только один из них. По мнению современников, Влад Цепеш был самым некрасивым из братьев, всегда со сжатым в жестокой гримасе ртом и холодными глазами. Но при среднем росте он отличался огромной физической силой, прославился на всю страну как кавалерист – и это во времена, когда люди с детских лет привыкали к коню и оружию. Кроме

того, Влад Цепеш прекрасно плавал, что тоже было немаловажно, так как мостов через реки тогда было мало.

Маленькое валашское княжество располагалось между Трансильванией и огромной турецкой империей, поэтому туркам, прежде чем напасть на города Трансильвании, требовалось покорить Валахию. В середине XV века значительная часть Балканского полуострова уже входила в состав Османской империи, но турки чувствовали себя на завоеванных землях скорее гостями, чем хозяевами. Восстания против их владычества вспыхивали то здесь, то там, и хотя они жестоко подавлялись, порой и туркам приходилось идти на некоторые компромиссы. Одним из них было сохранение государственного статуса отдельных княжеств, но при условии их зависимости от султана. В таких случаях оговаривался размер ежегодной дани. Например, Валахия выплачивала ее серебром и лесом. А чтобы тот или иной князь не забывал о своих обязанностях по отношению к султану, он отправлял заложником к турецкому двору своего старшего сына. И если князь начинал проявлять строптивость, юношу – в лучшем случае! – ждала смерть.

Такая судьба была уготована и Владу Цепешу. Вместе с несколькими другими «высокородными отпрысками» он несколько лет провел в Адрианополе в качестве «гостя». Впечатления этого периода жизни оказали на него сильное влияние и во многом сформировали характер будущего господаря Валахии. Радужные хозяева наглядно показывали, что ждет всякого, кто вызовет гнев султана и его приближенных. Влад Цепеш к тому же и сам с детства выказывал свирепость, казавшуюся излишней даже в те суровые времена. Но с организованной жестокостью он познакомился уже при дворе султанского наместника. Турки были хорошими учителями, а Влад оказался учеником понятливым.

Один из вассальных князей поднял против султана восстание, чем обрек на смерть своих сыновей-заложников. Мальчиков со связанными руками подвели к трону султана, и Мурад объявил, что по своей великой «милости» он смягчает им наказание. По знаку властелина один из янычар выступил вперед и ослепил братьев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.